

Альфонс Вето

Карл Великий

Альфонс Вето
Карл Великий

«Автор»

2025

Вето А.

Карл Великий / А. Вето — «Автор», 2025

Карл Великий (лат. Carolus Magnus, фр. Charlemagne, нем. Karl der Große) Годы жизни: предположительно 2 апреля 747/748 — 28 января 814. Годы правления: король франков (768–814), король лангобардов (774–814), император Запада (800–814). Карл Великий — один из самых влиятельных и знаковых монархов в европейской истории. Его фигура стоит у истоков формирования средневековой Европы. Он объединил под своей властью большую часть Западной Европы, что не удавалось сделать со времен падения Римской империи, и положил начало культурному и интеллектуальному возрождению, известному как Каролингское возрождение.

Содержание

О авторе	5
Обзор	6
Предисловие	7
Леон Готье. Предисловие	13
Глава 1. – Предки Карла Великого. – Их политическая роль при королях Меровингах (612—741 гг.).	14
Глава 2. – Рождение и воспитание Карла Великого. – Зарождение временной власти пап (742—754)	46
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Альфонс Вето Карл Великий

О авторе

Альфонс Вето, сын купца-портного из Ла-Менитре в департаменте Мэн-и-Луар, он окончил ENS после блестящей учебы в возрасте 24 лет. Его диссертация под названием: *L'abbaye de Saint-Victor de Paris depuis sa fondation jusqu'au temps de saint Louis (1198—1227)* (Парижское аббатство Сен-Виктор от его основания до эпохи Святого Людовика (1198—1227)) была высоко оценена его учителями и сокурсниками, как за точность критики и эрудицию содержания, так и за элегантность формы. Назначенный архивариусом департамента Марна, он поселился в Шалон-сюр-Марн, где в 1871 году женился на Алине Косте и в 1874 году у них родилась дочь Алиса. Во время прусской оккупации, скрытно и рискуя жизнью, он укрывал ценный архив. Он опубликовал краткую историю старого завода в Шалоне и стал действительным членом Сельскохозяйственного общества Марны. Он посвятил себя изучению средневековой Франции и за несколько лет опубликовал биографии Шугера (1872), Годфруа де Буйона (1874) и, прежде всего, Карла Великого (1876), за которую в 1877 году был удостоен Гран-при Гобера от Французской академии.

1878 год стал поворотным пунктом в его профессиональной жизни. Леопольд Делисле, генеральный администратор БН, рекомендовал его мэру Ренна Пьеру Мартену, который был удручен состоянием своей библиотеки. С 1 октября Альфонс Вето вступил в должность архивариуса-библиотекаря города Ренна. Трудолюбивый человек, он реорганизовал, классифицировал, инвентаризировал, каталогизировал и обогатил фонды муниципальной библиотеки и архивов. Так, например, их количество выросло с 48 993 единиц хранения в 1881 году до 61 192 в 1888 году, при этом было получено 42 276 единиц хранения. Он работал вместе с университетской библиотекой. Ежедневно он оказывал все большую исследовательскую помощь всем, кто обращался к нему напрямую или по почте. В 1888 году он был награжден Пальмовой ветвью государственного образования. В дополнение к карточному каталогу печатных работ он составил новую научную опись рукописей, опубликованную в 1894 году в «Генеральном каталоге рукописей публичных библиотек Франции». Он заменил книгу Доминика Мейле «Описание, заметки и дополнительные сведения о рукописях Публичной библиотеки Ренна», опубликованную в 1837 году. Он превратил муниципальную библиотеку из скромной в справочную.

Как только он приехал в Ренн, он стал членом Археологического общества Иль-и-Вилена. Хотя он не был очень активным, поскольку был очень поглощен своей профессиональной деятельностью, он поддерживал очень хорошие отношения с членами местных научных обществ, с различными их представителями, такими как Артур де Ла Бордери, Люсьен Декомб, Луи Тьерселен, Поль Парфуру и т. д. В 1881 году он был награжден Пальмой офицера Академии на Конгрессе научных обществ Сорбонны. В 1882 году он написал предисловие к книге Адольфа Орейна «*Géographie pittoresque du département d'Ille-et-Vilaine*». В 1883 году, когда Жозеф Лот организовал курсы кельтов в Реннском университете, он поступил на них и стал деканом студентов! Он предоставил свои палеографические навыки в распоряжение своего наставника, чтобы расшифровать картулярии Редона и Куимпера. В «Анналах Бретани» Жозеф Лот подчеркивал подлинную скромность Альфонса Ветто, называя его «редким человеком».

Альфонсу Вето было всего 55 лет, когда он умер 19 марта 1898 года, в течение двух лет страдая от тяжелой и мучительной болезни. Смерть констатировали в его доме Теодора Обен, помощник библиотекаря, и Пьер Аржиле, служащий муниципальной библиотеки, его ближайшие коллеги.

Обзор

Эта история Карла Великого, которая начинается с истории его деда и отца, Карла Мар-
тела и Пипина Короткого, навсегда останется эталоном для всех историков.

Карл Великий положил конец антагонизму между романской и франкской расами, но не
позволил одной поглотить другую. Хотя для своего наследственного королевства он сохранил
исключительное название Франция, свою империю он назвал Римской империей и создал союз
своих народов на земле, куда все могли вступить, не отказываясь ни от одного из своих прав, –
на земле религиозной веры.

Целью пятидесяти трех экспедиций этого благодетельного завоевателя было защитить
созданное таким образом христианство от языческих вторжений, ввести в него, так сказать,
акклиматизировать те из покоренных народов, которые благодаря своему расовому родству
могли быть включены в его монархию, не нарушая ее однородности. С этой точки зрения,
быстрое расчленение империи Каролингов не уничтожило дело ее основателя.

Даже в условиях феодальной анархии одно и то же господство – католицизм – поддержи-
вало моральное единство Священной Римской империи, ставшей христианской республикой.
Не зря все великие современные государства ставят Карла Великого во главе своей истории,
хотя династически он принадлежит только Франции; ведь именно он дал начало политической
жизни Германской конфедерации и самой Италии, и можно сказать, что Европа сохранила
физиономию Каролингов в ее основных чертах вплоть до Реформации и современных рево-
люций.

Предисловие

Некоторые мелкие умы нашего времени любят насмехаться над теми великими и возвышенными душами, которые среди нас всё ещё верят в провиденциальных людей. Однако нет ничего более естественного, если верить в действие Бога на людей и народы, чем признать миссию определённых личностей, чьи имена освящены историей. Бог, который мог бы управлять миром непосредственно и без посредников, снисходит до того, чтобы позволить нам участвовать в управлении Его огромной империей. Чтобы вести людей, созданных из духа и плоти, Он использует людей, созданных из духа и плоти. Он посылает их в нужный час, формирует их извечно и, не лишая их свободной воли, использует их свободные добродетели, чтобы воздействовать на целую нацию, на целую расу или на весь мир. Именно так Бог подготовил Карла Великого; именно так Он использовал его, чтобы возродить в мире угрожаемое царство Христа и судьбы Его Церкви.

Зрелище Европы во второй половине VIII века не внушало христианам ничего, кроме их надежды, их непоколебимой надежды на Бога. Италия разрывала последние связи, связывавшие её с греческой империей, но она даже не была в силах стремиться к единству. В центре находился папа, окружённый коварными и жестокими врагами: самым опасным был лангобард, претендовавший на наследство древних императоров и считавший полезным сначала конфисковать независимость верховного понтифика. Сарацины время от времени совершали стремительные набеги на итальянские побережья и смело продвигались вплоть до стен Рима. Они захватили Испанию, которая героически сопротивлялась почти столетие, но, казалось, под этим ужасным гнётом наконец теряла дыхание и жизнь. Не к восточным императорам можно было обращаться с просьбой противостоять этим победоносным вторжениям неверных: греки погружались в свои софизмы и тонкости; смысл религиозного единства ускользал от них всё больше; в воздухе витало раскол: Фотий должен был вот-вот появиться. Христианские народы Греции были разобщены и бессильны. В центре Европы простиралась, как океан, огромная Германия, и там постоянно слышался великий шум движущихся народов. Вторжения ещё не завершились, и бесчисленные орды варварских племён непрерывно двигались на Запад. Некоторые славянские или татарские народы также выглядели угрожающе, и велетабы с одной стороны, авары с другой бросали жадные взгляды в сторону Рейна. Среди всех этих народов царило дикое и грубое язычество, и среди стольких врагов Христа германцы были не менее дикими и опасными. Они убивали христианских миссионеров и организовывали кровавую и решительную борьбу против крещёных народов. Между этими языческими племенами складывались обширные союзы: саксы образовывали самую страшную из всех этих лиг и готовились к битве. Что касается Англии, где жили другие саксы, обращённые в христианство, ничто не давало повода предполагать, что этот незначительный остров когда-либо сыграет какую-либо роль в мире, и там было слишком много маленьких королевств, чтобы можно было надеяться на великий народ.

Оставалась Франция. Но этого было достаточно.

С того дня, как наш Хлодвиг был крещён святым и заявил о чести быть единственным католическим князем на Западе, политика Франции была католической. Возможно, это слишком торжественные слова, которые плохо применимы к посредственности меровингских королей. Но факт остаётся фактом, и папы хорошо это знали. Во всех своих опасностях они обращали свои взоры к франкским королям и надеялись. Было легко предвидеть, что будущее в Европе принадлежит тому князю, который предоставит наместнику Иисуса Христа поддержку своего меча, и всё указывало на то, что этот князь придёт из Франции.

Между тем Франция прошла через ужасные испытания, и жестокий век значительно ослабил и сокрушил ее. Век железа, как бы о нем ни говорили, суровый как для Церкви, так

и для народов! В то время среди нас царило роковое смешение различных и враждебных рас. Юг оставался по отношению к франкским королям чем-то вроде tributary страны, но казался плохо подчиненным и не любил потомков Хлодвиг. Аквитания мечтала о независимости и больше всего желала организовать в truly свободное герцогство. Гасконцы также возмущались господством этих германцев, угрожавших их древним вольностям, и некоторые горцы среди них привыкали к восстаниям и противостояли вождям франкской империи. Но самое тревожное было не в этих мятежах и стремлениях к независимости: это было отсутствие единства среди людей Севера. Они действительно разделились на две группы, которые почти напоминали разные народы. Была Австразия, и была Нейстрия. Австразия оставалась германской, и ее население сохранило варварские нравы, инстинкты и язык. Нейстрия, напротив, подчинилась римской идее. Короче говоря, она была романской, а Австразия – преимущественно тевтонской. Можно было упрекнуть нейстрийцев в том, что они слишком изнежились и ослабели, а австразийцев – в том, что они недостаточно смягчились и цивилизовались. Тем не менее внимательный наблюдатель больше бы доверял последним в деле спасения Франции и мира. Это были люди, умевшие мужественно переносить усталость и боль. Они даже были способны понять и принести жертву. Народ солдат, сильный, крепко сложенный, неутомимый, и христианство сообщало им ту robust и гордую щедрость, которая позже стала называться рыцарским духом. Именно отсюда должны были прийти слава и единство.

Карл Великий – австразиец. Он продолжатель дела Пипина Геристальского, Карла Мартелла и особенно Пипина Короткого. Его отец, можно сказать, наметил всю его работу. Он умным пальцем указал ему слабые стороны их еще не устоявшейся империи: здесь аквитанцы, там саксы. Он даже научил его славному ремеслу защитника Церкви и начал делать папу более независимым, делая его более королем. Уже замечено, что Пипин для Карла Великого – это примерно то же, что Филипп для Александра. По правде говоря, здесь нет сходства, но лишь аналогия между людьми высокой расы, которые занимали equally великое место в мире.

Карл Великий – австразиец, и многие называют его тевтоном. Я лично не вижу в этом ничего плохого, если поспешить добавить, что этот тевтон был одним из основателей нашего французского единства; если провозгласить, что он чудесно понял римское величие и, что еще более чудесно, усвоил и отождествил себя с ним. Да, проницательный взгляд сына Пипина разглядел все благородные элементы древнего мира: он схватил их сильной рукой и ввел в строительство нового мира. Тем не менее есть другое величие, которое он понял лучше и любил более страстно: это величие Христа и Церкви. Он посвятил им свое дело; он отдал им свою жизнь. Однако суровые и мудрые предписания Церкви иногда ранили эту гордую душу, которая охотно бы воспротивилась; но он смирял себя и падал на колени. Даже если бы ярмо папы было невыносимым, восклицал он, нужно оставаться в общении с ним. И он склонялся под этим ярмом, которое никогда не было невыносимым, но тяжесть которого salutary и мягка.

Был ли он тевтоном, не важно. Бог взял его за руку и сделал, можно сказать, своим сотрудником в деле спасения христианства и мира. Кроме того, доказано, что германский элемент – один из тех, что составляют нашу французскую национальность, и я не понимаю этих так называемых историков, которые не видят германцев ни в нашей нации, ни в наших нравах, ни в наших законах. Их влияние было значительным, и бесполезно пытаться это отрицать. Я помню, что за два или три года до роковой войны 1870 года один из наших самых знаменитых дипломатов говорил мне об этом и добавил: Какой интерес нам оставлять Пруссии представлять себя единственным представителем германской расы? Разве у нас самих нет нескольких капель германской крови в жилах? Только в конце VIII века существовали два вида германцев. Одни хотели оставаться варварами и язычниками; другие хотели действовать как крещеные, любя Церковь, и как умные люди, романизируясь. Первые желали бесконечно продолжать период нашествий; вторые хотели остановиться. Карл Великий был из последних и воевал с первыми. Вся его роль заключается в этих немногих словах.

Главной его целью было расчистить поле для деятельности Церкви. Именно поэтому в течение почти пятидесяти лет своего правления мы видим, как он бросается к границам своей огромной империи и обрушивается на всех врагов христианского имени или христианского единства. На севере и востоке это саксонские, татарские и славянские орды; на юге – сарацины, к которым, к сожалению, приходится добавить аквитанцев, лангобардов и гасконцев. Каждый год, и часто не один раз в год, Карл бросает клич к войне, собирает своих свободных людей, садится на коня и оттесняет мятежников, варваров или неверных еще на несколько лье дальше. Он расширяет христианский круг; он расширяет его мощными ударами меча. И он делает это так хорошо, что в центре Европы создает огромное пространство, где священники и монахи могут свободно проповедовать Евангелие Божье, где святые могут свободно предлагать человечеству светлые образцы всех добродетелей, где ученые мужи могут свободно возводить благородное здание теологии, где души, наконец, могут быть легко и свободно спасены. Я всегда представлял себе Карла Великого как гиганта в тысячу локтей, стоящего между двумя горами, которые он своими мощными руками отталкивает друг от друга, не давая им обрушиться на христианскую землю. Одна из этих гор – саксонское варварство; другая – мусульманское варварство. Великий император отбросил их далеко от нас, навсегда. Это его дело.

Однако мы только что произнесли слово «император», и весь замысел Карла раскрывается перед нашими глазами. Никто никогда не был так влюблен в единство, как он, и именно эта любовь побудила его основать империю. Он спросил себя: какая была самая мощная политическая и военная единица на земле? И ответил себе: это Римская империя. И тут же сделал практический вывод из этих рассуждений, воскликнув: я восстановлю имперское единство. И он восстановил его.

Говорят, повторяют каждый день, что дело Карла Великого не увенчалось успехом. Добавляют, что оно не пережило его, и что достаточно было посредственности Людовика Благочестивого, чтобы разрушить то, что построил гений Карла. Все наши учебники истории полны этих идей, и, за исключением Гизо в его удивительной «Истории цивилизации во Франции», лучшие умы не отвергают их. Впрочем, утешаются этим быстрым упадком, думая о формировании современных наций. Это хорошо, и это формирование действительно является ключевым событием IX века. Но (я спрашиваю всех, кто понимает исторические факты) смогли бы современные народы объединиться и двинуться вперед твердым шагом, если бы Карл Великий не подготовил для них путь? Пока германские нашествия продолжались среди нас, пока христианский мир опасался вторжения неверных, не могло быть и речи о национальности. Нужно было расчистить территорию, и решительно. Нужно было смести сарацин и саксов. Когда эта работа была сделана, христиане наконец вздохнули свободно, и стало возможным говорить о современных нациях. Их истинный создатель – Карл. Как бы то ни было, ночь 25 декабря 800 года навсегда останется одной из памятных дат всемирной истории. Зрелище, которое тогда представила базилика Святого Петра, было из тех, что человечество не забывает. Великий человек, великий полководец, великий король, стоящий на коленях перед Богом и перед священником, который представляет этого Бога! На коленях, но не униженный; на коленях, но не умаленный! Так сын Пипина хотел засвидетельствовать перед всеми народами божественное происхождение власти. Все трактаты, написанные на эту тему, возможно, не стоят того акта, который Карл Великий так просто совершил у ног папы Льва III и который был так легко понят всем христианским человечеством. Понятие о папе и императоре стало с тех пор ясным и полным в умах всех. Император предстал перед миром как вооруженный защитник безоружной Истины, а папа – как независимый проповедник верховной Истины. Чтобы сделать эту независимость еще более надежной и долговечной, император счел необходимым дать верховному понтифику настоящее королевство, дабы этот хранитель учения не был вынужден принимать опасное для своей свободы гостеприимство от какого-либо другого короля. И, в самом деле, достаточно бросить взгляд на историю Средних веков, чтобы убедиться, что Рим-

ская церковь была бы обречена, если бы не обладала тогда светской властью. Таким образом, именно Карлу Великому, подражавшему своему отцу Пипину, папство обязано той мощью, чью несравненную славу не могут оспорить даже его самые яростные враги. Если святой Григорий VII смог с таким мужеством бороться за справедливость и истину; если великий Иннокентий III стал советником всего мира; если старый Григорий IX смог противостоять Фридриху II, а Бонифаций VIII – Филиппу Красивому, то этим они обязаны Карлу Великому, который дал им возможность предпринять эти благородные и необходимые сопротивления. Без великолепного дара, который короли франков преподнесли папству, преемники святого Петра и Льва III также говорили бы христианскому миру правду с мужеством; но их меньше бы слушали, и, возможно, меньше душ было бы спасено.

Этот император, который проявлял такую щедрость по отношению к наместнику Иисуса Христа, сохранял в своем доме полную независимость. Он управлял и не позволял собой управлять. Однако никто не был менее похож на Цезаря, чем он, и он привлекал к управлению как можно больше людей. Хотя его ум и воля, возможно, превосходили всех его подданных вместе взятых, он часто позволял своим подданным действовать самостоятельно. Кто бы мог подумать? Этот великий политик не был изобретателем политической системы, и он скромно довольствовался совершенствованием механизмов, изобретенных его предшественниками. Если вы откроете его капитулярии, не ожидайте найти там полный кодекс или энциклопедию законодательства: Карл ставит перед собой задачу лишь исправить явные недостатки прежних законов и восполнить их пробелы. Он не прерывает традицию: он ее исправляет или дополняет. Кроме того, он тщательно избегает лишать своих подданных их доли законодательной работы; он остерегается упразднить их собрания. Он не распускает их: он направляет их. Когда свободные люди со всех концов империи прибывают на большие майские собрания, они находят свою работу уже подготовленной компетентными людьми, которые участвовали в осеннем собрании. Затем капитулярии выносятся на обсуждение, обсуждаются и принимаются. Однако в каждом городе я вижу постоянного представителя императора, которым является граф, и на всех дорогах империи – передвижных представителей императора, которыми являются *missi dominici*. До самых окраин своих государств мысль Карла передается внезапно с непревзойденной точностью и надежностью: наше электричество, которым мы так гордимся, действует быстрее, но не лучше. Когда *missi* возвращаются из своих поездок, они привозят государю самый подробный и точный отчет обо всем состоянии христианского Запада, и можно сказать, что Карл знал все, что происходило в каждом из его городов Италии, Франции, Германии или Испании. Он был живым центром своей империи и мира.

Однако он понимал, что его дело будет долговечным только в том случае, если он придаст ему тройное освящение силой, наукой и святостью.

Сила! Это слово кажется христианину слишком суровым, и действительно, ничто не кажется более противоречащим тому миру, который Христос обещал и даровал нам. Тем не менее, сила часто необходима для истины, и, как бы варварской ни была война, существуют необходимые и справедливые войны. Увы, не мирными конгрессами можно было бы обуздать саксонскую дикость и мусульманскую жестокость. В конечном итоге, Карл Великий жил среди дикарей, среди настоящих краснокожих, которых нужно было усмирять. К сожалению, он не всегда умел сдерживать свой собственный гнев, который был германского происхождения, и мы принадлежим к тем, кто всегда будет упрекать его за четыре тысячи саксонских голов, которые он отрубил в день неоправданной ярости. Но то, что можно без опасений хвалить, – это мудрость, которую он проявил в организации и управлении своими армиями. Его военные учреждения намного превосходят учреждения меровингской эпохи. Все тогда основывалось на службе, которую должен был нести владелец трех мансов; те же, кто владел двенадцатью мансами, приходили на конях, и эти всадники в феодальную эпоху станут рыцарями. Все свободные люди были солдатами, а сервы – слугами армии. Карл, как видно, использовал все эле-

менты, которые были у него под рукой. Его армии, без сомнения, еще оставляли желать лучшего; но именно с ними он покорил Запад и удивил мир.

Едва вернувшись из этих ужасных войн, где он каждую минуту рисковал потерять империю и жизнь, этот германский король, привыкший ко всем военным тяготам и спавший на жестком ложе, внезапно менял свою походку и выражение лица. Он оставлял свой тяжелый меч и просил тростниковое перо. Этот солдат, что редкость, был писателем, и он с большим удовольствием слушал Алкуина, чем преследовал Витикинда. Тем не менее, он не был ритором, и произведение, которое делает ему больше всего чести, – это сборник старых песен германской расы, который он однажды с радостью составил. Что! Карл Великий был составителем! Да; он, без сомнения, понял, что самые сильные народы – это те, кто лучше всего уважает свое прошлое, и это привело его к созданию сборника песен. Я не думаю, впрочем, что Карл когда-либо любил поэзию, литературу и науку ради них самих. Он не отделял их от Христа и рассматривал их как своего рода продолжение Слова. Он говорил, но простыми и народными словами, что честь человечества до конца времен будет заключаться в том, чтобы извлекать все научные выводы, содержащиеся в Евангелии. Вот почему он хотел, чтобы люди умели читать и могли понимать священные тексты. Именно ради чести Христа и Его Церкви он умножал школы и имел знаменитые школы в своем собственном дворце. Хотя он был варваром, он подозревал, что античность, даже языческая, воздала истинному Богу не одно яркое свидетельство, и, без сомнения, это заставило его дать некоторым членам своей Академии имена некоторых языческих поэтов. Он был автором настоящего возрождения. Я не знаю, какая древняя величина характеризует, несмотря ни на что, посредственную литературу и искусство его века. Признаюсь, им не хватает оригинальности, и, возможно, именно поэтому эта литература и искусство не прожили долго. Свет, который они излучали, не лишен красоты, но это лишь слабый свет.

Что касается святости, Карл ясно понимал, что лучший способ умножить число святых – это способствовать интересам и процветанию Церкви. Он заботился о ней, как сын, с сыновней преданностью. Ему выпала слава вернуть свободу епископским выборам; однако это счастливое преобразование должно было окончательно утвердиться лишь в правление его сына. Три года спустя после своей коронации в Риме он издал замечательный закон, согласно которому ни один священнослужитель не мог отправляться в армию или участвовать в ужасах войны. Известно, как ради общей реформы Церкви он созвал одновременно пять великих соборов, которые принесли столько света и добра. По мере продвижения в леса Германии он основывал там епископства и аббатства, и за свою жизнь он создал не менее восьми епархий и двадцати четырех монастырей. Гордая Германия слишком легко забывает в наши дни, что именно эти деяния стали истоками цивилизации, которой она так гордится, и что без этого христианского императора она, возможно, оставалась бы на том же уровне, на каком была Америка до Колумба. Таким образом, святые умножались в новой империи, и их благие деяния отчасти обязаны этому великому королю, который дал им столько земель для освоения и столько душ для обращения. Он и сам обладал многими чертами святости; однако правда заставляет нас добавить, что не всеми, и что Церковь в действительности не причислила его к лику святых. По крайней мере, он явил миру бесценный пример духа самопожертвования. Достигнув мировой монархии, этот великий воин неустанно упражнялся (как говорит один из его панегиристов) не только в воздержании, которое было так редко в его роду, но и в постах, сравнимых с постами самых ревностных отшельников. И мы знаем от его историков, что он носил власяницу до самой смерти. Он был величественно прост и ненавидел все, что в королевской пышности было скандальным или бесполезным. Строгий к другим, он часто был еще строже к себе, и именно поэтому легенды и история справедливо называли его человеком из железа. Когда меня спрашивают о определении эпох упадка, я охотно отвечаю: это времена, когда все хотят наслаждаться всем и никто не хочет ни в чем себе отказывать. Но, конечно, такое определение не подходит ко временам Карла Великого, и великий император предложил своим современни-

кам совершенно иной идеал – идеал самоотверженности и аскетизма. Увидев Карла, все Средневековье захотело ему подражать, и из этого человека из железа вышли поколения железных людей. Среди нас до сих пор есть несколько представителей этих сильных поколений. Когда их не останется, мы погибнем.

Но пора остановиться: такого человека слишком трудно достойно восхвалить. Есть две строки у Боссюэ, которые, несмотря на свою краткость, гораздо красноречивее всех наших речей. Он говорит о Карле: «Его поразительные завоевания стали расширением Царства Божьего, и он показал себя истинным христианином во всех своих деяниях». А Жозеф де Местр добавляет: «Этот человек настолько велик, что величие проникло в его имя».

Эти два писателя, пожалуй, единственные, кто говорил о Карле Великом с достойной его величественностью. После них следует умолкнуть или позволить говорить только истории.

Леон Готье. Предисловие

Несмотря на огромную популярность, связанную с его именем, которая почти у всех народов христианского Запада делает его национальным героем, Карл Великий нашел лишь немного биографов. Однако, общая история собрала и осветила даже мельчайшие черты этой величественной фигуры, и в анналах человечества едва ли найдется социальное влияние, которое было бы предметом столь же страстных исследований и комментариев, как его.

Было бы дерзостью пытаться в этом столкновении мнений создать новую синтезу каролингского возрождения. Это не является целью данной книги, в которой ставится задача лишь точно и полно изобразить деяния великого франкского императора на основе рассказов современников, позволяя истинному характеру событий раскрыться через их беспристрастное изложение.

Даже в этой скромной области фактов, уже много раз исследованной, оставались важные моменты, требующие уточнения, которые, в свете нашего видения и представления, не могут не изменить образ, в некотором роде закреплённый современной историей, который некоторые религиозные или политические предубеждения нашего времени приписывают основателю Священной Римской империи.

Но история не исчерпывается рассказами хронистов, особенно когда речь идет о такой масштабной и сложной личности, как Карл Великий. Памятники искусства и традиции, даже легендарные, также являются интересными и верными свидетелями прошлого для тех, кто умеет интерпретировать их образный язык. Этот драгоценный источник информации не был упущен. Ученые, чья специальная эрудиция давно завоевала признание образованной публики, любезно предоставили этому труду, подписанному неизвестным именем, помощь в сотрудничестве, которым могли бы гордиться даже знаменитые писатели. Упомянуть о великом и заслуженном авторитете, которым пользуются труды г-на Анатоля де Бартелеми, хранителя Галло-римского музея в Сен-Жермене, по нумизматике; г-на Демэ, из Национального архива, по сфрагистике и костюму; его коллеги, г-на Огюста Лоньона, по исторической географии, – это значит показать меру моих обязательств и благодарности перед ними.

Особую благодарность я должен выразить моему превосходному учителю, г-ну Леону Готье, профессору Школы хартий, за его любезное согласие написать введение к этой книге и один из самых интересных комментариев, с той теплотой души и научной проницательностью, которые отличают человека, познакомившего современную Францию с ее национальным эпосом и его справедливой оценкой.

Едва ли нужно говорить, что каждый из тех, кто участвовал в создании этой работы, выражал свои личные мнения, неся за них полную ответственность. Поэтому не стоит удивляться, если встретятся, если не расхождения во взглядах, то хотя бы различия в тоне между произведениями, существенно отличающимися друг от друга, авторы которых объединены лишь любовью к величию Франции и искренним поиском истины.

А. В.

Глава 1. – Предки Карла Великого. – Их политическая роль при королях Меровингах (612—741 гг.).

1. Согласно легендарному преданию, приведённому в хронике Фредегара, тюрингская принцесса Базина, вдохновлённая пророческим духом в ночь после свадьбы с Хильдериком, отцом Хлодвига, сказала своему новому супругу: «Встань тайно и посмотри, что ты увидишь во дворе дворца, а затем вернись и расскажи своей служанке». И Хильдерик, выйдя, увидел проходящие образы животных: льва, единорога и леопарда. Он рассказал об этом Базине, которая сказала: «Господин мой, выйди ещё раз и поведай своей служанке, что ты увидишь». Прошли другие образы: они напоминали медведя и волка. Базина заставила его выйти в третий раз. Тогда перед ним появились собака, а затем и другие звери меньшего размера, которые гнались друг за другом и терзали друг друга.

«Видение, которое ты узрел, – сказала Базина, – это точное отражение реальности, и вот его значение: у нас родится сын, полный мужества, символом которого будет лев; леопард и единорог обозначают его сыновей, которые породят детей, подобных медведю и волку по силе и прозорливости; но их потомки будут в королевстве как собаки, неспособные остановить борьбу низших животных, чья толпа, хаотично движущаяся, символизирует народы, освобождённые от страха перед князьями».

Каковы бы ни были источник и первоначальный смысл этой легенды, она точно изображает этапы упадка Меровингов. Уже менее чем через полтора века предсказание Базины в значительной степени сбылось, и третье поколение её потомков, в кровавых распрях, олицетворением ярости и коварства которых стали Брунгильда и Фредегонда, слишком хорошо воплотило тип хищных зверей, когда аристократическая революция 613 года ускорила необратимое падение династии Хлодвига, открыв путь соперничающему влиянию семьи Каролингов, в которой, если использовать образы легенды, отныне должна была проявиться суть льва. Святой Арнульф Мецкий и Пипин Старший, один – дед по отцовской линии, другой – по материнской линии Пипина Геристальского, стали вождями, устроителями и истинными государственными деятелями этой революции. Став благодаря ей вершителями судеб Франкской монархии, их прозорливая амбиция, если не искренность характера, вдохновила их на поведение, полное умения и величия. Связанные с осуществлением верховной власти как представители военной аристократии, которой наконец удалось поставить королевство под опеку, они сумели с тактом и энергией подняться над исключительными страстями своих соратников по удаче и сделать победу партийного интереса отправной точкой для широкой примирительной и полностью национальной политики.

Но прежде чем изучать движущие силы и тенденции этой новой политики, необходимо взглянуть на порядок вещей, который ей предшествовал, и отметить социальные преобразования, произошедшие среди народов, смешанных в результате нашествий от Рейна до Луары и Океана.

Соперничество влияния, которое начинается в начале VII века между династией Меровингов и самой могущественной из подчинённых семей, было лишь продолжением и, в некотором смысле, воплощением давнего противостояния принципов в галло-франкском обществе. Под разными обличьями это всегда была борьба между зачатками христианской цивилизации и остатками язычества, продолжающаяся от нашествия до коронации Пипина Короткого. С одной стороны, традиции имперского цезаризма и многочисленные пережитки германской варварской культуры, сохраняющиеся в управлении и нравах; с другой – мораль Евангелия, стремящаяся перейти из святилища в законы и общественные институты, чтобы оттуда с большим авторитетом воздействовать на сознание: таковы были, по сути, два истинных интереса,

стоящих друг против друга. Длинная цепь ошибок и преступлений привела к тому, что королевство стало олицетворять первое: Каролинги, по положению не менее чем по склонности, должны были способствовать второму. Потомки Хлодвиг, даже лучшие из них, все потерпели неудачу в своих попытках социальной организации, потому что думали лишь о восстановлении древних форм цивилизации, не заботясь о различии времён и условий, больше стремясь воспроизвести освящённый тип регулярного правительства, чем искать его суть. Совсем наоборот, Арнульф и Пипин сочетают великий практический смысл с интуицией будущего. Они выбрали в качестве поля действия единственное место, где могло произойти объединение германских и романских элементов галло-франкской нации, – католицизм. Они используют свою энергию, как и государственную власть, чтобы поддерживать и расширять влияние Церкви на варварские народы. Именно так они основывают свою собственную мощь и открывают плодотворные пути для своих потомков.

Такова была, в самом деле, миссия этого нового государства, уже называемого, в меньших пределах, его современным именем – Франция (Francia). Непонятая её королевскими вождями, но осознанная и активно поддерживаемая семьёй Арнульфингов, эта миссия, подсказанная самой необходимостью обстоятельств, заключалась в том, чтобы унаследовать самую благородную роль разрушенной империи как организатора и политического центра молодых европейских обществ, в ожидании формирования национальностей.

Владея самой важной с стратегической точки зрения провинцией, той самой, где в эпоху последних Цезарей сосредоточились наиболее интенсивные чувства и усилия сопротивления нашествиям, франки, в интересах своего завоевания, обеспечили её защиту, став тем самым защитниками всего Запада. Победители при Тольбиаке, разместившиеся более века назад на границах римского мира, на покинутых легионами постах, продолжали твёрдой рукой сдерживать разрушительное движение великих человеческих миграций.

Однако недостаточно было оттеснить за Рейн беспокойные и вечно угрожающие племена варварской Германии. Чтобы больше не опасаться их, нужно было, убеждением или силой, привязать их к земле, превратить их подвижные лагеря в родину и включить их в свою очередь в христианскую республику.

Такой вооружённый прозелитизм прекрасно соответствовал характеру обращённых франков. Они уже начали это с нескольких экспедиций на правый берег реки; но их усилия в этом направлении не имели ни руководства, ни метода. Только с VI века, под руководством Арнульфингов, они должны были принять это призвание, поставить свою военную мощь на службу Святому Престолу, сделать свою грозную шпагу повсюду орудием религиозной пропаганды и связать все свои территориальные завоевания, каков бы ни был их принцип, как новые провинции, с империей католицизма.

Первая идея союза, который тогда был заключён между Францией и папством, восходила к самому основанию монархии; она датировалась крещением Хлодвиг. Её программу можно чётко проследить в поздравительных письмах, адресованных королевскому неофиту святого Ремигия епископом Вьеннским Авитом и самим верховным понтификом Анастасием, которые хвалили Господа за то, что он дал своей Церкви такого великого князя в качестве защитника.

Сто лет, прошедших со смерти Хлодвиг, период преступлений и скандалов, тем не менее не прошли даром для подготовки судеб франкского народа. Под защитой от нападений и нашествий внешней варварской стихии, гений христианской цивилизации вновь осознал себя на земле Галлии. Он постепенно восстановил свои материальные и моральные руины, собрал свои силы, установил свой престиж среди своих вчерашних победителей, уже готовый вступить в борьбу с внешними противниками, когда триумф первых исторических предков Карла Великого обеспечил ему в качестве союзников две наиболее организованные силы общества: духовенство и аристократию.

Епископат, в котором блистал святой Арнульф, переживал тогда решающий кризис. Старая Галльская Церковь, последнее поколение которой всё ещё управляло в конце VI века почти всеми епархиями, почти исключительно пополнялась из галло-римского патрициата, в которой она содержала элиту. До сих пор она, возможно, слишком исключительно олицетворяла дух, тенденции, а также бесплодные сожаления побеждённой кельтской расы. Конечно, нельзя достаточно похвалить мужество и таланты прелатов, которые укротили пыл варваров и сделали так много для восстановления захваченных провинций: именно благодаря им было спасено всё, что заслуживало сохранения от античной цивилизации. Став гражданскими магистратами городов после исчезновения имперских чиновников, они спасли от катастрофы римского господства культуру литературы и искусства, а также административные традиции. Особенно к северу от Луары, где до правления Хлотаря II насчитывалось всего двенадцать монастырей, епископские города были единственными очагами интеллектуальной жизни.

Но её вкусы, привычки воспитания, несомненно, как и тяжёлые требования её обязанностей, ограничивали деятельность и рвение галло-римского духовенства в пределах городских стен. Будь то на берегах Луары или Рейна, в метрополии, полной воспоминаний и почти латинских чувств, или же среди чисто германского населения, будь то Григорий Турский или Ницетий Трирский, епископ того происхождения и той эпохи везде представляет один и тот же тип; везде он преследует один и тот же идеал, который скорее является восстановлением прошлого, чем приспособлением к потребностям будущего элементов жизни, предоставленных новыми расами. Всецело занятые наставлением верующих и полемикой с еретиками, эти оседлые апостолы не выходили за пределы христианских идей и институтов. Казалось, что, удовлетворившись однажды обузданием варварства, они льстили себя надеждой, что навсегда его укротили.

Однако в самом сердце их епархий старые германские суеверия и даже официальные обряды варварского культа всё ещё оставались в силе. Далеко не все франки последовали за Хлодвигом к крещению. Ещё в VII веке, в самой Нейстрии, недалеко от Парижа, можно было увидеть алтари, посвящённые божествам за Рейном, где толпились поклонники. Даже при дворах меровингских принцев долгое время среди высших сановников были язычники, и не одна легенда показывает нам на одном столе в королевских виллах, на торжественных пирах, мясо жертвоприношений Одина, подаваемое для идолопоклонников-леудов, рядом с блюдами христианских гостей, которые благословлялись рукой епископа.

Воинство, воспитанное в вере Христовой, живущее в постоянном контакте с язычниками, в сельской местности, вдали от предпочитаемых резиденций римского духовенства, мало отличалось от своих ещё не обращённых товарищей и, как правило, не имело менее жестоких и испорченных нравов. Поэтому, когда к концу VI века члены этого невежественного и грубого класса, соблазнённые богатыми владениями Церкви, сумели навязать себя верующим королевской властью и внезапно захватили управление епископствами и аббатствами, скандал был велик, а беспорядок плачевен. Таким образом, говорит Озан, начиналась эта узурпация военной аристократии, которая, поддерживаемая симонией, увековеченная сожигательством, превратила бы священство в касту, а Церковь в феодал, если бы не неутомимое сопротивление пап.

К счастью, сохраняющая деятельность Святого Престола с самого начала и на самом поле опасности нашла драгоценных помощников. В то же время святой Колумбан, обосновавшийся со своей ирландской колонией в суровом ущелье Вогезов, у самых ворот королевства Австрии, до того времени с трудом доступного для идей романской цивилизации, привлекал и преобразовывал в своей монастырской школе целое поколение учеников, элиту франкской расы. Таким образом, Ирландия выплачивала свой долг Галлии, которая некогда послала к ней святого Патрика, своего первого апостола; таким образом, кельтская раса, с гибким и коммуникабельным гением, исполняла свою судьбу. Будучи привилегированной наследницей греко-латинской культуры, её роль заключалась в передаче этой традиции современным обществам, постепенно вводимым в контекст христианского мира. После того как она породила еписко-

пат Галлии, обративший завоевателей-варваров, именно кровь и дух кельтской расы жили в ирландском монашестве, призванном дисциплинировать в священстве обращённых варваров и превратить их самих в обращающих.

Ирландское влияние доминирует в истории каролингских истоков; ибо именно от него, без сомнения, происходит религиозное призвание святого Арнульфа. Оно же вдохновило потомков этого святого на великие монастырские основания, которые, возможно, являются самым прочным титулом славы этой семьи и главной услугой, которую она оказала своей родине. Однако Церковь освятила власть первых Каролингов, но не установила её: когда они предложили свою помощь её делам, они уже приобрели высокое социальное значение как главы земельной и военной аристократии.

Действительно, после столетия земельной собственности, первоначально абсолютно демократическая организация товарищества у франков привела к преобладанию аристократии, уже явно выделившейся, хотя до того времени исключительно личной и пожизненной. Без сомнения, время, когда в государстве франков должна была сложиться наследственная знать, было ещё далеко. На данный момент все сюзеренные собственники, называемые салическими людьми, в силу ранга их владений (сала), оставались, в принципе, политически равными между собой, в то время как они образовывали, по отношению к простым свободным людям, называемым романскими собственниками или скорее собственниками по римскому образцу (*romani possessores*), и к почти сервильному классу германских летов, единственную привилегированную касту нации. Тариф судебных композиций (вергельд), оценка социальной значимости индивидов, сохранял в пользу салических людей, через последовательные поколения, превосходство ранга и прерогатив, что является существенной чертой знати, оценивая личность франка всегда вдвое выше личности романа.

Но не только смешение рас произошло в каждом из этих социальных слоёв; сами воинские отряды, оставаясь германскими по своему составу, в какой бы провинции они ни находились, потеряли свой первоначальный облик под влиянием древнего общества. Основа и связь отношений между их членами полностью изменились. Двойное творение административной системы, установленной империей на земле Галлии, предоставило тип и рамки этой быстрой трансформации: это были военные бенефиции и подвижная иерархия должностей и общественных достоинств. Таким образом, с самого начала римские традиции сочетались с германскими обычаями, чтобы создать эту, не имеющую аналогов в прошлом, мощь земельной аристократии.

Захват земель между Рейном и Луарой превратил племена, управляемые Хлодвигом, в конфедерацию воинов-собственников. В этом состоянии каждый из граждан, то есть свободных людей, которые способствовали победе, продолжал, как член национальной армии, подчиняться непосредственно королю. Доля, пропорциональная его рангу, которую он получил в распределении завоёванных земель, представляла собой лишь цену его доблести и не добавляла никаких новых обязанностей к его военным долгам. Собственность, полученная таким образом, была для всех абсолютной, или, как говорили, аллодиальной, и наименее удачливый из воинов становился хозяином скромного владения, доставшегося ему по жребию оружия, так же полно, как меровингский король пользовался дотациями своего фиска. Даже поземельный налог не касался его, как и галла, приравненного к нему по статусу свободного человека; он касался только имущества романских собственников, *romani possessores*.

Так выглядел изначально единообразный режим собственности в меровингской Франции. Но пользование землёй, хотя и приобщало франков к чувству индивидуальной независимости, не порвало среди них традицию германской свиты. Бесконечные войны VI века скорее развили её. Только вождь отряда, будь то король или простой князь округа, чтобы оплатить преданность свободно примкнувших к его судьбе, не мог ограничиться теми примитивными наградами, о которых говорит Тацит: конём или окровавленной фрамеей. Раздел добычи ста-

рого мира увеличил требования. Вождь стал тогда выделять своим храбрецам в качестве платы за службу части своих аллодиальных владений: подражая в этом, как говорили, примеру императоров, когда они основывали на провинциальной земле, считавшейся неотчуждаемым достоянием государства, военные колонии, где семьи легионеров получали, в виде жалования, usufruct земли, которую они должны были защищать.

Это заимствование из римских обычаев, отправная точка того, что было наиболее оригинальным в политическом строе Средневековья, то есть вассалитета и феодализма, стало прямой причиной социального кризиса, из которого должна была выйти каролингская мощь. Оно создало аристократию, которой не было у народов вторжения. Салический человек, действительно, заключал с выбранным вождём личные обязательства совершенно нового характера, в пределах и на срок блага или бенефиция (*beneficium*), который он от него получал. Таким образом, гражданское равенство исчезло. Бенефициары великих леудов оказывались, хотя и не теряя статуса, фактически отодвинутыми на один ранг в государстве, и отдельная власть, власть их обязательств, вставала между ними и верховной властью.

Такая революция, последствия которой для судеб королевства мы увидим далее, была следствием и стала активной причиной исчезновения аллодов в классе второстепенных воинов. Доходы скромного имущества не могли долго покрывать расходы на далёкие экспедиции, постоянно возобновляемые для расширения или защиты меровингской монархии. Единственным средством для большинства свободных людей обеспечить себе необходимые ресурсы было отказаться от своего наследства в пользу какого-нибудь богатого собственника, который оставлял им пользование, но на условиях и с обременениями обычных бенефициев, и который, с этого момента, зачисляя их в свою свиту, должен был сам обеспечивать их снаряжение и содержание в походах. Счастливы ещё те, кто вовремя соглашался на эту жертву, чтобы избежать полного разорения, которое погрузило бы их в полурабское состояние колоната.

Вот как в политическом строе, основанном на социальном равенстве, тысячи изначально независимых существ постепенно поглощались, так сказать, элитой более значительных личностей. Затем, становясь всё более распространённым, отказ от изначальной независимости почти превратился в закон. Ибо, после того как великие люди народа приобрели союзников по необходимости, они поднялись до столь грозного превосходства, что любой, кто не чувствовал себя в силах соперничать с могущественным соседом, находил безопасность только под его покровительством. Добровольное подчинение слабого более сильному поставило подопечного в клиентелу патрона, на тот же уровень, что и настоящих бенефициаров, и завершило формирование аристократии, каждый член которой представлял собой коллектив граждан, более или менее подчинённых его власти, и управлял почти без контроля частью национальной территории.

Сила вещей, таким образом, вернула этот режим исчезновения среднего класса и чрезмерной концентрации собственности, который священник Сальвиан описывал незадолго до великих нашествий как один из пагубных симптомов распада римского мира.

Превосходство патрициата времен Империи полностью возродилось, скорее усиленное, чем ослабленное, в аристократии франков. Безусловно, социальная опасность не была бы меньшей, чем во времена Сальвиана, если бы возрождающаяся аристократия лишь давила на остальную нацию, подобно древнему патрициату, который сам был игрушкой в руках коррумпированного сената и деспотизма Цезарей. Однако, по крайней мере, логика, если не справедливость, управляла новым порядком вещей. Владельцы крупной собственности обладали властью в той же мере, что и богатством: именно они создавали законы в национальном собрании и в конечном итоге подчинили себе королевскую власть.

Власть королей ограничивалась именно теми средствами, которые расширяли власть знати. Бенефициальные уступки обедняли казну, не предоставляя трону никакой долговременной поддержки. В то время как леуды объединялись общностью интересов, чтобы защищать

внизу свою квази-суверенность, а наверху – свои узурпации, королевская власть все больше изолировалась в своем сопротивлении. Вначале она щедро раздавала звания и общественные должности вождям вспомогательных отрядов, чья поддержка составляла ее блеск и силу, а после богатых пожалований, предоставленных навечно церквям, остатки меровингских владений быстро превратились в узурфрукты, плату за военные услуги. В вечных династических распрях каждый из претендентов стремился переманить сторонников своего соперника, предлагая больше. Воины охотно принимали дары от всех, но считали, что никогда не должны ничего возвращать. Земли, почести, должности – все это они превращали в новые доли добычи, за счет которых шли трофеи империи и на которые, как им казалось, каждый мог претендовать по праву завоевания.

Однако короли не упускали ни одной возможности вернуть отменяемые бенефиции, и, поскольку насилие было законом того времени, конфискации, справедливые в принципе, часто касались, в зависимости от текущих нужд, как верных, так и предателей. Подписанты договора в Андело (587) напрасно клялись отказаться от произвольных конфискаций бенефиций – обстоятельства были сильнее таких клятв, даже если они были искренними. Бенефициарии привыкли ничего не уступать без принуждения, и монархия, оказавшаяся в отчаянном положении, должна была быть тем менее щепетильной в выборе средств, что традиционный источник доходов – налоги – сам угрожал вскоре иссякнуть.

Действительно, ряды римских землевладельцев, то есть тех, кто находился в римском правовом положении и был единственными налогоплательщиками, быстро редели. Галлы, составлявшие основу этого класса, первые жертвы анархии того времени, в большом количестве вступали в духовенство, а их имущество переходило к франкским покупателям или захватчикам, которые, несмотря на происхождение, старались смешать их с наследственными аллодами, чтобы освободить от общественных повинностей.

Столетнее непрерывное развитие обеспечило триумф военной аристократии. Но до сих пор она искала лишь материальные выгоды власти, не проявляя ни амбиций, ни способностей к собственно политике. Инстинкт сопротивления укреплению верховной власти, особенно в вопросах налогообложения, оставался единственной связью, негласным договором этой коалиции второстепенных тиранов. Поэтому, чтобы придать своим привилегиям более широкую и прочную основу, франкские вожди, несмотря на свою гордость и расовые антипатии, не гнушались объединяться на этой почве с богатыми римскими семьями, поддерживая их частые притязания на налоговый иммунитет. Подобный расчет обеспечил епископату поддержку светской аристократии. Обычно она охотно защищала церковные владения и права от притеснений Меровингов, чтобы затем узурпировать их для себя. Союз интересов готовил почву для союза идей.

Ничто лучше не иллюстрирует дикость нравов, царившую в этой коалиции, ее дерзость и высокомерное отношение к потомкам Хлодвиг в рассматриваемый период, чем слова австразийского посольства к королю Гунтрамну Бургундскому в 584 году: «Мы прощаемся с тобой, о король, поскольку ты отказываешь нам в удовлетворении. Но топор, который расколол головы твоих братьев, еще хорош, и скоро он войдет в твой череп».

Это позволяет оценить, насколько меровингская династия выиграла в уважении и реальной власти со времен своего основателя, который, будучи простым вождем кочевого племени, молча сносил грубые провокации солдата из своей свиты по поводу суасонской вазы. Однако это не значит, что за это время короли не пытались поднять свою власть выше таких посягательств. Победитель при Суасоне первым почувствовал необходимость заменить свое военное командование более широкой юрисдикцией и гарантиями долговечности монархической власти. Будучи вождем народа, первоначально поселившегося в Галлии как гостя и союзника империи, он обратился к империи за образцом и освящением новой власти, о которой мечтал. С того дня, когда, получив от Анастасия патрицианские грамоты, он облачился в базилике

Святого Мартина в Туре в знаки этого достоинства, традиция германского княжества была окончательно порвана в королевском роде франков.

Сын Хильдерика, как и многие другие варвары до него, получил, так сказать, свою натурализацию в римском мире, где занял определенное место в иерархии установленных властей. С тех пор он правил всеми провинциями Галлии не по праву завоевания, а на том же законном основании, на котором его отец и он сам до сих пор занимали свои северные кантоны. Как имперский чиновник, он лишь повышался в звании, не меняя своей роли по отношению к своим римским подданным и франкским союзникам. Имперская инвестира лишь централизовала в его руках множественные делегации, которые вожди различных племен, побежденные им, до сих пор получали по отдельности от константинопольского двора в своих владениях по эту сторону Альп. Таким образом, Хлодвиг занял точное место древнего викария Галлии. Если связь этого подчинения быстро ослабла и вскоре прервалась между его преемниками и преемниками Анастасия, это произошло не столько из-за стремления франкских королей к эмансипации, сколько из-за все большего ослабления власти императоров, которые вскоре уже не могли сохранять даже видимость суверенитета на Западе.

К сожалению, Меровинги заимствовали у восточного двора не только иерархические титулы, парадные костюмы, канцелярские формулы и порядок дворцовых служб, но и сам дух имперского режима, цезаризм, одним словом. Они сначала отождествили себя с этой пагубной политикой, а затем стали осуществлять ее самостоятельно, что было не менее противоположно христианским принципам, чем национальным нравам, и должно было породить, вместо цивилизации, чудовищную смесь диких страстей варварства с пороками разлагающихся обществ. Самым верным представителем этого был Хильперик, безжалостный сборщик налогов, свирепый и маниакальный тиран, которого справедливо называли Нероном VI века.

Однако в то время как меровингская монархия в Нейстрии при Хильперике достигла последней степени упадка, в Австразии, напротив, она, казалось, нашла закон своего регулярного развития и достигла равновесия между принципами римского опыта и варварской энергии, которые она должна была примирить под угрозой гибели. Это было время, когда Брунгильда, окруженная уважением и поддержкой епископата, еще заслуживала своими талантами и добродетелями публичных похвал святого Григория Великого; когда она вдохновляла своего сына Хильдеберта на социальные меры, которые уже кажутся принадлежащими великим реформам Карла Великого. Гениальный человек, стоявший во главе Вселенской Церкви, так хорошо понимавший превратности настоящего и нужды будущего, тогда поспешил укрепить союз Святого Престола с самым цивилизованным и единственным ортодоксальным народом христианской Европы. Его знаменитое письмо молодому королю Австразии отмечает освящение и идеализированную программу слишком короткого этапа меровингской политики: «Насколько королевское достоинство возвышает тебя над другими людьми, настолько твое королевство превосходит другие королевства народов. Мало быть королем, когда другие тоже короли; но много – быть католиком, когда другие не разделяют этой чести. Как большая лампа сияет всем своим светом в глубокой тьме ночи, так величие твоей веры сияет среди добровольного мрака чужих народов... Поэтому, чтобы превзойти других людей делами, как и верой, пусть Ваше Превосходительство не перестает быть милостивым к своим подданным... Вы начнете больше нравиться „королю королей“, когда, ограничивая свою власть, будете считать себя менее правым, чем могущественным».

Но с того расстояния, с которого он смотрел на вещи, папа не мог знать, что права королевской власти, изначально основанные на принципах, которые были ложными или неправильно понятыми народом, теперь все более или менее оспорены, и что ее власть, ставшая одиозной и страшной из-за слишком долгих злоупотреблений, больше не может быть осуществлена, хорошо или плохо, кроме как с помощью хитрости или насилия. Это бессилие

должно было в высшей степени проявиться в суматохе последних лет жизни Брунхильды и в катастрофе, завершившей ее карьеру.

2. Фредегонда умерла, но соперничество франкских провинций, которое ее преступные интриги так глубоко обострили, не исчезло вместе с ней; Меровингская монархия, на следующий день после своего трудного становления, уже безвозвратно потеряла свое единство: она разделилась на три отдельных королевства. Новые географические названия, заменившие старые наименования завоевательных племен, начали тогда обозначать их территориальное разделение и политическое противостояние. К западу от Мааса Нейстрия включала салические кантоны, где галло-римское население, более многочисленное, стремилось полностью поглотить иностранный элемент; к востоку от реки и до Рейна Австразия, конфедерация рипуарских франков, почти не смешанная с латинским населением, укрепляла свой воинственный и авантюрный дух в постоянном контакте с германскими племенами. Династические распри последнего времени стали лишь поводом для конфликта между двумя государствами: в основе лежал взрыв ненависти двух рас, двух обществ, неспособных понять и терпеть друг друга.

Старая страна бургундов, ставшая при правлении сыновей Хлодвига франкским королевством Бургундия (Burgundia), также была втянута в борьбу, но случайно и без внесения какого-либо собственного интереса, который изменил бы ее характер. В то время как Нейстрия боролась за установление административной монархии, управляемой, по имперскому образцу, корпусом сменяемых чиновников, а Австразия, с другой стороны, представляла притязания земельной аристократии на наследственное обладание всеми магистратурами и признание в короле лишь своего военного вождя, Бургундия, раздираемая завистливыми фракциями, погрузилась в анархию. Ни идеал варварской независимости, ни идеал римской упорядоченности не вдохновляли там партию, способную подчинить себе остальных. Она долго колебалась между союзами с королем Гунтрамном, пока тот, умирая (593), не передал ее Австразии, завещав своему племяннику Хильдеберту.

С тех пор и в течение почти двадцати лет, пока Нейстрия одна подчинялась сыну Фредегонды, вся остальная франкская Галлия оставалась под властью детей ее соперницы. Из двух сыновей Хильдеберта старший, Теодеберт, правил в Австразии, а второй, Теодерих, – в Бургундии. Но, к счастью для Хлотаря II, влияние Брунгильды не сохранилось в двух восточных королевствах. Изгнанная из Австразии фракцией знати, она с досадой наблюдала, как Теодеберт подпал под влияние этой враждебной коалиции, и могла связать только короля Бургундии с эксцессами и непопулярностью своих планов деспотического правления.

Состарившаяся в гражданских раздорах, вдова Сигиберта больше не была женщиной с благородными замыслами и щедрыми страстями, чей организаторский гений пятнадцать лет назад вызывал восхищение и надежды цивилизованного Запада. Удары судьбы ожесточили ее характер и исказили даже лучшие тенденции ее ума. Ее твердость превратилась в насилие, а любовь к порядку уступила место в ее раздраженной и подозрительной душе слепой потребности в подавлении. Было легко заметить, что в унижении аристократии, постоянной цели ее усилий, она искала скорее личное удовлетворение гордости и амбиций, месть за свои собственные неудачи, чем интересы самой нации. Поэтому, чтобы достичь этой цели, она не боялась раздать под тяжестью беспощадного налогообложения своих естественных союзников, данников и простых свободных людей, для которых ее падение должно было казаться освобождением.

Но особенно Церковь, ее союзница в трудах ее первого регентства, жестоко ощутила на себе последствия морального упадка Брунгильды. Молодой король Теодерих, обреченный ревнивым господством своей бабки на жизнь в оковах многоженства, преследование, обрушившееся на прелатов, защитников божественных законов, епископ Вьеннский Дезидерий (святой Дидье), убитый наемниками старой королевы, святой Колумбан, изгнанный из своего уединения в Люксёйле и отправленный в ссылку, – все эти скандалы, все эти преступления сделали разрыв с этой стороны явным и необратимым.

Однако аристократическая партия, всемогущая в Австразии, расширяла свои ответвления за пределами и с каждым днем набирала все большее значение, укрепляясь симпатиями и доверием, которые ее соперница теряла для монархии. Война, давно неизбежная между двумя королями восточной Франции, представлявшими два столь противоположных течения идей, наконец вспыхнула весной 612 года. Она имела быстрые и ужасные последствия. Вторая битва при Тольбиаке, роковая, как и первая, для людей с берегов Рейна, вновь отдала наследство Сигиберта в руки мести его вдовы. Теодеберт и его единственный сын, попавшие в руки врага, были убиты. Бабка украсила этой короной, запятнанной братской кровью, чело Теодериха; затем она сама бросилась на свою добычу, как коршун на жертву.

Среди вождей левдов, наиболее влиятельных при дворе в Меце и, следовательно, наиболее угрожаемых реакцией бургундского цезаризма, выделялись Арнульф и Пепин Старший, оба еще новые люди, чей союз, вероятно, относится к этому времени.

Величественная фигура святого Арнульфа, сначала графа, а затем епископа города Меца, возвышается в своей спокойной величественности над эпохой кризисов и невиданных потрясений. Этот прадед короля Пепина, который был первым и оставался образцом государственных деятелей своего рода, должен был начать политику принципов, не имеющих прецедентов в истории франков. Под влиянием его максим и действий, вдохновлявших, в разной степени, поведение самых знаменитых наследников его крови и власти, от Пепина Геристальского до Карла Великого, в течение полутора веков понятие власти у варваров должно было трансформироваться до слияния с идеей христианского священства и напоминания, через обряды и обязательства королевского помазания, о роли внешнего епископа, возложенной на древних католических императоров.

Арнульф происходил из богатой и могущественной семьи, чье происхождение, окутанное тайной, давало историкам повод для долгих споров. Высокое покровительство, наследственно осуществляемое этой семьей над левдами бассейна Мозеля, и поддержка, которую сам Арнульф оказывал требованиям военной аристократии против монархической централизации, кажется, связывают его несомненно с завоевательной расой. Тем не менее, противоположное мнение было высказано и недалеко от того, чтобы возобладать во Франции. Мнение, которое имеет даже ревностных сторонников среди ученых Германии, столь ревностных в том, чтобы приписать германизму величие нашей каролингской цивилизации, приписывает святому Арнульфу и, следовательно, его потомку Карлу Великому, галло-римских предков.

Разрешенная, несомненно, в некоторых аспектах, политической ролью святого Арнульфа, чьи принципы всегда были выше и часто противоположны традициям за Рейном, эта теория особенно апеллирует в свою пользу к свидетельству почти официального документа времен правления Карла Лысого. Это генеалогия императорской династии, которая представляет собой схему происхождения ее авторов. Она помещает во главе патриция V века, принадлежащего к сенаторскому дому южной Галлии, дому Ферреоли, чья известность подтверждается письмами Сидония Аполлинария.

В современной системе, которая взяла эту генеалогию за основу, дополняя ее более или менее остроумными предположениями, этот персонаж, именуемый Тонантием Ферреолом, имел бы внука Ансберта, женатого на меровингской принцессе Блитильде, дочери Хлотаря I. И именно от этого королевского союза родился бы Арноальд, отец Арнульфа.

Однако стоит отметить, что ни одна биография или современная хроника святого епископа Меца не упоминает о такой цепи предков. Более того, Павел Диакон, приближенный Карла Великого, и Теган, историк Людовика Благочестивого, даже не думают возводить императорскую семью дальше Арнульфа, чьи права на славу они, несомненно, не преминули бы увеличить, если бы лестная генеалогия была признана в их время. Но она датируется лишь следующим поколением, и интерес, который породил ее тогда, нетрудно понять. Когда династия потеряла блеск гения и победы и начала колебаться под ударами революций, должно

было показаться полезным укрепить ее, углубив ее корни в прошлое. Очевидно, именно такие соображения привели к созданию легенды, которая в глазах народа двойственно освящала права Каролингов, поскольку связывала их с древнейшими властителями земли и одновременно представляла их как законных наследников власти Хлодвиг.

Если, строго говоря, нет убедительных причин оспаривать франкское происхождение святого Арнульфа, то, с другой стороны, оно достаточно подтверждается обстоятельствами, сопровождавшими его вступление в общественную жизнь. Он родился около 582 года в самом сердце Австразийского королевства, где романские семьи были редки и мало влиятельны. Место его рождения, называемое хронистами Лайум, вероятно, находилось недалеко к северу от Нанси.

Едва выйдя из подросткового возраста, он был принят в дворцовые службы при дворе Меца. Это была самая почетная карьера для молодого франка: уважение других левдов, как и королевская милость, прежде всего доставалось тем антрустионам, которые, оставив управление своими владениями, занимали при особе принца должности высшей дворцовой службы. Он обучался своим новым обязанностям под руководством одного из первых сановников дворца, по имени Гондульф, которому через пять или шесть лет предстояло быть возведенным на епископскую кафедру Тонгерена и которого некоторые историки, хотя и без убедительных доказательств, считали дядей своего молодого ученика. Тот отличился своей храбростью и быстро достиг высокого положения среди домостиков короля Теодоберта. До тридцати лет он прошел различные ступени иерархии; он был в числе оптиматов королевства и, облеченный герцогской властью, его юрисдикция распространялась на шесть графств.

Но уже человеческие почести не имели для него привлекательности. Течение идей, едва заметное в суровой среде, где он жил, овладело его душой: он стремился к покою и монастырским размышлениям. Идеал христианского совершенства, открытый завоевателям Галлии святым Колумбаном, начал тогда распространяться в этих краях и находить последователей. Увлеченный духовными упражнениями, Арнульф нашел доверенное лицо и наставника в лице одного из своих товарищей по королевской дружине, Ромарика, будущего основателя аббатства Ремирмон. Они мечтали вместе удалиться в Лерин, самый знаменитый монастырский центр древней Галлии. Но Ромарику одному удалось осуществить этот план и оставить государственные должности, чтобы принять, не в Лерине, а в Люкsee, строгую дисциплину регулярного духовенства. Арнульф, удерживаемый прямым приказом Теодоберта, тем не менее, в ожидании возможности смягчить своего господина, вел жизнь, близкую к монашеской, тем более свободно, что его молодая и знатная супруга, Дода, родившая ему двух сыновей, приняла постриг в Трире. Наконец представился случай использовать его преданность Церкви, не нанося ущерба государственному управлению, где он занимал важное место. Когда освободилась епископская кафедра Меца, он был избран на нее.

Ни обстоятельства, ни точная дата этого события неизвестны. Некоторые современные авторы утверждают, что возведение Арнульфа в епископы произошло после политической революции 613 года, что оно даже стало наградой за его содействие успеху Хлотаря II и, как они говорят, его долей в военной добыче. Но эта гипотеза, необоснованно неблагоприятная для его характера, противоречит хронологическим данным, вытекающим из древнейших документов. Болландисты, напротив, приводят веские доводы, что он должен был быть посвящен между 610 и 612 годами. Новый епископ, таким образом, действительно, несколько опередил канонический возраст тридцати лет, установленный соборами VI века; но примеры подобных исключений не редки, и, чтобы назвать лишь несколько самых известных, разве Григорий Турский не занял свою кафедру в двадцать девять лет, а святой Ремигий – в двадцать два?

Поэтому именно в качестве прелата Арнульф принял участие в заговоре с целью свержения Брунехильды. Нравы того времени не запрещали ему делать это. Более того, как мы уже

видели, церковь была достаточно заинтересована в том, чтобы сбросить иго королевы, чтобы оправдать такое вмешательство с политической точки зрения.

В этом начинании, в котором обе аристократии – церковная и светская – одержали победу, именно Пипин возглавил и представлял, в частности, воинскую власть.

Домены, находившиеся под покровительством Пипина, были почти эквивалентны королевству. Они простирались между Мёзом и Рейном, от леса Шарбоньер, продолжения Арденнского леса, до фризской границы, на северной оконечности Галлии, которая соответствует современным государствам Бельгия и Голландия, и которая была местом первого поселения салийских племен. До отца Пипина Карла (Карломана), чье имя сохранилось в истории, об этом роде не упоминается. Но мы знаем, что он уже пользовался княжеской властью, несомненно, заслуженной его неустрашимостью в защите франкского берега Рейна от постоянных нападений варваров, саксов, тюрингов и других. Его обычная резиденция находилась недалеко от Льежа, в пагубе Хасбаниенсис, которую франки на своем языке называли Хасингоу или Хеспенгау. Эта страна, ограниченная реками Бернер, Мёз и Меан, и сегодня известна как Хесбай, хотя и в более ограниченных границах. Здесь находилась знаменитая вилла Ланден, место погребения первого Пипина, чье имя так и осталось за ним.

В седьмом веке этот род героев приобрел новую славу. Не довольствуясь защитой мечом земель, которые она населяла, она взяла на себя гораздо более трудную задачу – воплотить в жизнь христианскую цивилизацию. Пепин Ланденский, муж святой (святой Итты) и сам причисленный церковью к лику блаженных, дал сигнал к большому движению религиозной пропаганды в Гесбае, которое должно было привести не что иное, как к социальному преобразованию региона. Именно он основал первый в стране монастырь Калфберг в Мельдерте, недалеко от Хассельта. Его пример нашел горячих подражателей, особенно в его семье, которая в течение трех поколений обеспечила агиологию длинным рядом канонизированных фигур, включая не менее двадцати восьми основателей или благотворителей аббатств.

Религиозное и нравственное воспитание были не единственными благами, которые эти монашеские общины приносили франкскому населению. Сама их мораль была полезной и красноречивой проповедью. Строго регламентированный образ жизни, подчинение единой для всех дисциплине, латынь в качестве официального языка, применение к сельскохозяйственным работам и механическим искусствам духа метода и отточенных процессов самых цивилизованных обществ – так много центров римского влияния они сформировали. Защищать их и поощрять их расширение означало способствовать слиянию элементов будущей французской нации. Пепин де Ланден был первым, кто добился этого прогресса в бассейне реки Мёз.

Именно он в союзе со святым Арнульфом возглавил австразийскую аристократию в период кризиса, последовавшего за смертью Теодоберта.

Современные хроники, почти лишенные подробностей о финальной стадии конфликта Брунехильды с великой партией, рассказывают нам лишь о трагическом исходе. Спустя всего год после своего триумфа Теодерик умер от дизентерии в возрасте двадцати шести лет, как раз в тот момент, когда он собирался разбить армию Нейстрии под объединенными силами двух восточных королевств и восстановить единство Меровингской монархии для своего блага и блага своей честолюбивой бабушки. Внезапно все изменилось: бургундцы и австразийцы, уже объединенные под одним флагом, разделились. Смерть короля положила конец их временному объединению; каждый из последователей Теодерика вновь обрел право выбирать своего лидера из числа других членов королевской семьи. Теперь в этой семье, разгромленной сражениями, развратом и убийствами, был только один взрослый представитель, способный командовать воинами, и это был Клотарь II, общий враг предыдущего дня. Арнульф и Пипин, жаждавшие избавиться от тирании Брунехильды и менее обеспокоенные кажущейся автономией, чем реальной независимостью Рипуарского королевства, принесли Клотарю клятву верности.

Их примером и, несомненно, советами руководствовались почти все остальные вожди графств Австрии.

Брунехильде вновь пришлось бежать из этого рокового края. Здание ее судьбы рушилось со всех сторон. Тщетно пыталась она поднять его, взяв под опеку нового малолетнего короля. Старший сын Теодерика, Сигеберт, одиннадцатилетний ребенок, которого она, нарушив законы, дерзнула возвести на престол за счет его братьев и без права голоса свободных людей, был втянут в катастрофу, не дав ему даже мимолетно вернуться к власти. Непризнанные австразийцами, леуды Бургундии сплотились вокруг знамени этого ребенка лишь для того, чтобы тут же предать его дело и подороже продать свою покорность Клотеру, передав ему бабку и сыновей своего последнего короля. В убийстве этих беззащитных пленников, совершенном по приказу наследника Фредерома, нельзя с полным основанием вменить в вину австразийским вождям, которые были одинаково чужды и предательству, подготовившему королевскую месть, и расчетам династических интересов, приведшим ее в исполнение.

Сразу же после смерти Теодерика Пипин, Арнульф и их главные последователи отправились в лагерь Клоотаира. Но их целью, конечно же, не было возвышение и укрепление своей личной власти на обломках других свергнутых тронов. Они имели с ним дело не столько как подданные, сколько как независимые союзники и даже как опекуны. Короче говоря, король Нейстрии был всего лишь агентом и назначенцем настоящих победителей. Все доходы от победы должны были остаться у олигархии великих бенефициаров, и Клотарь сам невольно подчеркнул этот характер свершившейся революции пытками Брунехильды. В лице старой королевы, столь ревностной хранительницы прав суверенитета, смертельный удар был нанесен не чем иным, как королевством Меровингов, то есть тем жестоким и абсолютным самодержавием, самые незыблемые традиции которого были переданы Клотарю от его собственной семьи. Отныне он мог править только в форме правления, существенно противоположной той, которую три поколения его отцов создавали в соответствии с римскими идеями.

Более того, эта форма, несмотря на некоторую видимость, была так же далека от того, чтобы отвечать тенденциям германского варварства. Это была новая концепция, основанная, по крайней мере в теории, на христианских принципах, превосходящих расовые предрассудки. Она была четко подтверждена примерно восемнадцать месяцев спустя, на Парижской ассамблее, когда король, восстановив порядок в присоединенных государствах, решил, хотя и не спонтанно, считаться со своими союзниками.

Парижская ассамблея сама по себе была беспрецедентным политическим актом. Со времен завоевания ежегодные собрания на Марсовом поле были не более чем смотрами войск. На этот раз король имел дело с настоящим национальным представительством, парламентом в современном понимании этого слова. Присутствие семидесяти девяти епископов, заседавших вместе с лидерами аристократии на этих победных собраниях, ознаменовало начало интронизации церкви и с большим трудом вхождение римского элемента в советы суверенной власти.

Не говоря уже о мерах, принятых для обеспечения свободных церковных выборов, или о налоговых льготах, которые лиги, верные своим корыстным интересам, установили в пользу франкского рода, главным результатом нового договора знати с епископатам и королевской властью стало проведение крупной реформы в государственной практике Меровингов. Было постановлено, что графы пажей больше не могут присылаться извне, а должны выбираться из числа владельцев земель, находящихся под их управлением, так что, согласно статье 12 эдикта, их собственная собственность будет отвечать за любые злоупотребления в их управлении. Таков был закон от верха до низа иерархии; и великий лорд, будь то епископ или мирянин, не был свободен

чем король, брать из-за пределов каждого из своих доменов должностное лицо, которому под именем судьи он делегировал осуществление своей власти. Это положение, недостатки которого нельзя игнорировать, поскольку оно имело тенденцию все больше смешивать права

собственности и юрисдикции и тем самым прокладывало путь феодализму, тем не менее представляло собой огромный прогресс для начала седьмого века. При предыдущих правлениях кочевые офицеры были бичом провинций, и нам достаточно взглянуть на картину, нарисованную Григорием Турским о периодическом управлении графом Леудастом в этом городе, чтобы увидеть, как этим авантюрным тиранам удавалось давить и развращать народ. На самом деле, эдикт 614 года сделал право короля назначать графов более или менее иллюзорным. Оставалось лишь вложить эти функции в естественно назначенных кандидатов, богатство которых и сила их клиентуры обеспечивали им перевес в различных кантонах. Таким образом, связи между центральной властью и местными администрациями были практически ликвидированы, а монархия, создав видимость объединения, утратила то небольшое единство, которое сохранялось до этого момента.

История, крайне скудная на биографические сведения о главах семейства Арнульфинг, не указывает, какую роль они играли в решениях Парижского собрания. Но именно они были главными инициаторами создания политической организации, которая там короновалась. Они же несли основную ответственность за ее реализацию, за ее дух и направление. Тем не менее, поначалу они не занимали в государстве официального положения, соответствующего их реальному влиянию. Подчиняясь Клотеру, Варнахер и Раде, действующие мэры дворца, первый в Бургундии, второй в Австрии, гарантировали себе пожизненное обладание своим достоинством. Каждый из них оставался посредником между леудами своего королевства и королем Франкской конфедерации. Поэтому только после смерти Раде мэрия Аустразии перешла к Пипину.

Эта должность, которую должны были проиллюстрировать Арнульфинги, уже более четверти века имела огромное значение в Австрии. Его происхождение было туманным. Титул, которым она обозначалась, – *major domus* – раньше принадлежал у римлян рабу или вольноотпущеннику, отвечавшему за надзор за другими рабами в богатых домах. Оно означало не что иное, как то, что мы и сегодня понимаем под словом «дворецкий». Таков был и скромный статус человека, который первоначально был наделен им в жилищах франкских королей. Но среди народов германской расы домашнее хозяйство было облагорожено. По мере роста семьи Хлодвиг росли и его приближенные, которые работали во дворце, разделяя не только его богатство, но и политическую власть. Первый из этих приближенных, домочадцев, естественно, стал самым важным подданным короля и одновременно его главным министром, поскольку был главным распорядителем его хозяйства. Сначала он был известен под германским именем сене-шалья; с торжеством римских нравов на первый план вышло название *major domus*.

Смерть Сигеберта I в 575 году и пленение его вдовы, сделавшей мэра Аустразии министром или, скорее, опекуном пятилетнего короля, внезапно изменили характер этого института. Мэр, которому было поручено эффективное руководство правительством, перестал быть человеком короля по отношению к его ледитам и стал приближенным к королевской власти, а с этого момента и соперником ее, выборным представителем аристократической коалиции. События 613 и 614 годов лишь подтвердили это отношение.

Ничего не известно ни об управлении Раде, ни о власти, которую осуществляли рядом с ним Пипин и Арнульф; но все заставляет нас предположить, что Клотарь не нашел в них очень покладистых исполнителей своих государевых приказов. Великие люди Австрии никогда не ценили монархический союз франкских государств ради него самого. Хотя им было выгодно иметь дело только с Клотарем, чтобы разоружить в его лице королевскую власть, которая была слишком захватнической, чтобы им нравиться, они не меньше стремились сохранить свою национальную автономию. Они считали унижительным быть зависимыми от нейстрийского двора. Особенно теперь, когда они закрепили произвол своих князей в своего рода конституции, им было выгодно иметь собственное правительство. Поэтому они воспользовались первой же возможностью вернуться к старому порядку вещей.

Как только старшему сыну Клотера, Дагоберту, исполнилось пятнадцать лет – законный возраст, когда молодой франкский юноша занимал свое место среди воинов и имел право провозгласить раздел, – они восстановили в его пользу власть в Рипейском королевстве. Король Клотер, безусловно, поддался лишь моральному принуждению, разрушив своими руками то единство, которого ему удалось достичь девятью годами ранее благодаря столь невероятному удачному стечению обстоятельств. Он продемонстрировал свою недобрую волю, отделив от Австрии территории Туля, Вердена и Меца, чтобы сохранить их под своей властью. Дагоберт выбрал Трир в качестве своей столицы. Принцип, заложенный на Парижской ассамблее, получил по этому случаю торжественное освящение. Первым из королевских чиновников, мэром дворца, был самый важный человек в стране, сам Пипин, который также получил, не столько благодаря спонтанному доверию Клотера, сколько по решению леудов, должность опекуна и правителя молодого короля.

Единственный известный биограф Пипина, который, по общему признанию, более чем на два столетия позже своего героя и, кроме того, использует в своих рассказах тон скорее панегириста, чем историка, дает великолепный и безоговорочный панегирик административным качествам, которые он проявил в своих трудных обязанностях, сочетая неизменную верность государю с самым скрупулезным уважением к правам всех классов населения. Если бы не было этих подозрительных свидетельств, факты стали бы достаточным доказательством мудрости и лояльности австрийского государственного деятеля. Именно под его опекой Дагоберт приобрел вкус к порядку и чувство справедливости в распределении, неизвестные в такой степени до него в его роду, и которые должны были проиллюстрировать начало его правления; С другой стороны, честолюбивые лиги, которым король был нужен только для того, чтобы лучше обходить его и нейтрализовать его власть, и которые рассчитывали, что мэр будет благоприятствовать их узурпациям, нашли в Пепине так мало помощника, о котором они мечтали, что сговорились убить его. Он подвергся величайшему риску и был спасен, говорит Фредегер, только благодаря защите свыше.

Заняв епископский престол в Меце, Арнульф продолжал быть тесно связанным с деятельностью Пипина. Более образованный, чем Пипин, и одаренный, как утверждают историки, более проницательным умом, он был его постоянным советником, к которому всегда прислушивались с религиозной точки зрения. Хотя его авторитет был исключительно моральным, он был не менее велик, а иногда и решающим в вопросах управления. Об этом свидетельствует один пример из ряда других. В 625 году молодой Дагоберт отправился ко двору своего отца в Клиши, чтобы жениться на Гоматруде, сестре королевы Сихильды, жены Клотера. Церемония, настоящая свадьба Меровингов, закончилась ссорой между двумя королями. Дагоберт, несомненно, подстрекаемый своими леди, потребовал, чтобы все, что когда-то принадлежало Рипарскому королевству, было объединено под его скипетром. Клотарь энергично отказался от такого расчленения своих государств. В конце концов, они передали вопрос на рассмотрение двенадцати ведущих франков, включая Арнульфа и нескольких епископов. Хотя претензии нейстрийцев, особенно в таком месте, должны были иметь многочисленных и решительных представителей, Фредегер рассказывает, что именно Арнульф, благодаря влиянию своей святости и красноречию, восстановил мир между отцом и сыном. Соглашение, достигнутое под его эгидой, было полностью выгодно Аустразии, которая восстановила свою территориальную целостность. Нейстрийский король сохранил за собой лишь часть бывших владений Чилдеберта, расположенных за Луарой и в Провансе.

Оказав эту последнюю услугу своей родине, в сентябре того же года Арнульф наконец-то осуществил свое давнее намерение принять кенобийскую жизнь. Он удалился в монастырь, недавно построенный в Вогезах его другом святым Ромариком на холме, который с тех пор носит имя основателя (*Romarici mons, Remiremont*). Именно здесь он провел последние пятнадцать лет своей жизни, не тронутый пышностью и легкомыслием мира, но всегда готовый

трудиться на благо своей страны. Из двух его сыновей один, Хлодulf, принял священный сан и должен был после него управлять церковью Меца; другой, Ансгизил, женившийся в неизвестное время на дочери Пипина Старшего, святой Бегге, был отцом Пипина Геристальского и родоначальником королей Каролингов.

Особое королевство Аустразия, восстановленное в 622 году, просуществовало всего шесть лет. В 628 году Клотер умер, и Дагоберт поспешил воссоединить все отцовское наследство в ущерб своему младшему брату Хариберту. Поскольку подопечный Пипина заранее позаботился о том, чтобы прибрать к рукам сокровища покойного, он легко заручился поддержкой своих легистов для узурпации. Кроме того, Хариберт был слабоумным, и эта неспособность оправдывала его отстранение от власти в глазах франкского закона. Тем не менее Фредегер рассказывает, что мудрые советники, в том числе Пипин и Арнульф, убедили честолюбивого монарха пойти на компромисс с братом и пожаловали ему небольшое королевство, состоящее из городов, которые когда-то составляли вторую Аквитанию.

Это был последний акт снисходительного отношения Дагоберта к проводникам его юности. Желая насладиться удовольствиями суверенной власти вдали от слишком строгого контроля, он поселился в Нейстрии, в Клиши. В 631 году смерть Шарибера, не оставившего наследников, привела его власть к апогею. Тогда он начал ту пышную и беспорядочную жизнь, память о которой навсегда осталась связана с его именем. Чтобы покрыть расходы на роскошь и удовольствия, он был вынужден вернуться к налоговым мерам своего деда Чилперика, которые в то время считались непомерными. Были вновь введены налоговые реестры, в которые записывались все, включая членов церкви. Леуды, вновь произвольно лишённые своих льгот, возобновили недоверие и приглушенную враждебность, и вся умеренность и умение Пипина не смогли помешать недовольству его избирателей вылиться в одно из самых серьезных обстоятельств. Предводители австразийских контингентов сдались перед лицом врага и позволили Дагоберту потерпеть поражение от славян, желая таким образом показать, насколько слабо королевство без их поддержки и на каких условиях они согласны ему служить. Король был вынужден последовать примеру своего отца и вернуть Австрии автономию. Он сделал номинальным правителем своего старшего сына, Сигеберта, которому едва исполнилось три года. Но он не оставил власть сеньориальной партии без противовеса. Хотя он поручил опеку над ребенком Чуниберту, архиепископу Трира и другу Пипина, он был, по крайней мере, осторожен, чтобы лишить последнего функций и, возможно, даже титула мэра дворца, который он вложил в своего человека, герцога Адальгизила. Пипин, подозреваемый как в отношении леудов за то, что они не поддерживали их планы восстания, так и в отношении короля за то, что тот недостаточно сдерживал их, увидел себя похищенным из родной страны и доставленным ко двору Нейстрии (633). Видимое уважение, с которым к нему там относились, не помешало ему стать настоящим заложником. Вместе с ним этот замаскированный плен разделили и некоторые другие лидеры аристократии.

Именно в таком малозаметном положении в следующем году он стал свидетелем мер, предпринятых его бывшим подопечным для обеспечения окончательного перевеса Нейстрии во Франкской империи. Дагоберт объединил Нейстрию и Бургундию в единое королевство в интересах своего второго сына, Хлодвиг, который был еще в колыбели. Пипин и другие леуды между Рейном и Мёзом, вынужденные, согласно хроникам, террором Дагоберта, ратифицировали этот союз, радуясь сохранению своей автономии и подтверждению владения Австрией для Сигеберта. Но смерть Дагоберта в 648 году разрушила все эти планы и восстановила прежнее равновесие между соперничающими государствами. Пипин немедленно вернулся в Мец, где совместно с Чунибертом взял на себя управление государственными делами. Последним важным делом его карьеры стало выведение австразийской королевской власти из того состояния подчинения, в которое ее поставили события предыдущих десяти лет. Путем искусных переговоров он добился от Сигеберта равного раздела отцовских сокровищ с его братом Хло-

двигом и королевой Нантильдой. В следующем году он умер, за несколько месяцев до смерти святого Арнульфа.

3. Пепин оставил после себя только одного сына, Гримоальда. Наследник самого знаменитого имени и обширнейших владений Австразии, он, согласно духу договора 614 года, естественно, был предназначен для наследования достоинства своего отца. Тем не менее, должность майордома оспаривалась у него партией, которая, казалось, стремилась вернуть этой высокой должности тот сугубо домашний характер, который она имела в предыдущие века. Его соперником был некий Оттон, малоизвестный дворцовый чиновник, который был наставником правящего короля. Сисмонди предполагает, с большой долей вероятности, что этот второстепенный персонаж был кандидатом от простых свободных людей, сохранивших свои наследственные аллоды и не входивших в состав сеньориальных дружин. Гримоальд, напротив, поддерживаемый могущественной земельной аристократией, одержал победу лишь после трех лет борьбы, когда Оттон был убит герцогом алеманнов (642). С этого момента сын Пепена больше не встречал открытого сопротивления и в течение четырнадцати лет правил под именем Сигиберта Третьего.

Этот князь, причисленный Церковью к лику святых, не заслуживает того, чтобы быть смешанным в печальную серию Меровингов, которых история окрестила именем «ленивых королей». Если он и передал заботу о государственных делах в другие руки, то не для того, чтобы предаваться праздности и порокам, а чтобы полностью посвятить себя делам благочестия. Гримоальд, хотя и не был канонизирован, как остальные члены его семьи, также не остался в стороне от благочестивого рвения своего господина. Его даже видели участвующим, как хранителя верховной власти, в создании двух аббатств – Ставло и Мальмеди – святым Ремаклем, и он пожертвовал свои собственные владения этим знаменитым учреждениям. Монашеский энтузиазм тогда достиг своего апогея в Северной и Восточной Франции. Пепен председательствовал на его первых проявлениях; движение продолжалось и росло под покровительством его семьи. Мать Гримоальда, святая Игта, и его сестра, святая Гертруда, связали свои имена с основанием монастыря Нивель и способствовали апостольским трудам двух ирландцев, последователей святого Колумбана: святого Утана и святого Филлана. Другая его сестра, Бегга, жена Ансгизия, также основала знаменитое аббатство Анденн, расположенное между Юи и Намюром.

Но если Гримоальд в своих отношениях с Церковью оставался верен традициям отца, то в политике он действовал иначе. Он демонстрировал королю показное почтение, которое, хотя и выглядело абсолютным по форме, было мало искренним по сути, больше заботясь о том, чтобы быть приятным, чем полезным. Правда ли, как утверждает биограф Сигеберта и как позже заявлял сам Гримоальд, что он сумел так втереться в доверие к королю, что тот завещал усыновить его сына и сделать его наследником престола? Этот факт кажется маловероятным. Однако несомненно, что новый майордом с необычайным рвением защищал prerogatives короны от посягательств аристократии, не колеблясь жертвовать своими прежними симпатиями и ставить под угрозу свою популярность среди знати. Но после смерти Сигеберта в 656 году стало ясно, к чему было направлено это монархическое рвение и насколько оно было бескорыстным. Майордом отправил единственного наследника короля в монастырь в Ирландии, а на его место короновал своего собственного сына, Хильдеберта. Подробности этого узурпации, которая стоила жизни обоим её участникам, остаются неясными. Согласно наиболее распространённой версии, австразийские леуды, возмущённые оскорблением, нанесённым роду Хлодвиги, сами выдали Гримоальда и Хильдеберта королю Нейстрии, который приказал их казнить в темнице.

То, что аристократия с возмущением восприняла внезапное возвышение одного из своих членов и воспользовалась этой возможностью, чтобы отомстить за поражения, которые Гримоальд мог нанести ей за четырнадцать лет авторитарного правления, – это объяснение ката-

строфы, которое, несомненно, кажется правдоподобным. Но было бы трудно понять, почему в таком случае леуды, вместо того чтобы вернуть своего молодого принца, лишённого престола, подчинились Хлодвигу II, совершив таким невероятным поворотом добровольное пожертвование своей национальной независимостью, которой они до этого так ревностно защищали. Гораздо более вероятно, что, несмотря на ранее возникшие трения между знатью и их амбициозным представителем, последний, захватив трон, действовал с согласия и при поддержке знати. Где бы он ещё мог найти опору? Интерес леудов в поддержке такой попытки, впрочем, легко понять; именно угроза возможного объединения двух королевств могла быть предотвращена разрывом с салической династией.

Перемены в рипуарских землях за последние сорок лет, которые рассматривались как простая зависимость от великой империи, чей центр находился на берегах Сены, и лишь изредка отделялись, чтобы образовать своего рода апанаж в пользу ряда малолетних королей, ожидающих освобождения отцовского трона, вполне могли ранить и тревожить патриотические чувства австразийцев. Что удивительного в том, что они попытались передать суверенитет своей страны знатной семье, которая имела все свои корни здесь и олицетворяла их интересы и устремления? Такая интерпретация событий встречается у историка, чей авторитет в этом вопросе неоспорим. Вместо того чтобы возлагать ответственность за падение Гримоальда на аристократию, автор жития святого Бернакла прямо утверждает, что сын Пипина был заманен в Париж Хлодвигом под предлогом мирных переговоров, и что меровингский король был единственным виновником предательства, избавившего его от соперника.

Таким образом, первая попытка замены салической королевской династии великой австразийской семьёй закончилась жалким провалом, как тёмное приключение, начатое дворцовой интригой и почти сразу же завершившееся западнёй. Время для этой революции ещё не пришло, и, осуществлённая в середине VII века, она не только не смогла бы укрепить национальное единство франков, но и окончательно закрепила бы разделение и противостояние двух частей этого народа, которому суждено было стать ядром христианского мира. Если триумф Пипина Короткого в своё время послужил европейской цивилизации, то триумф Гримоальда стал бы для неё роковым.

Каковы бы ни были её причины, эта катастрофа глубоко дезорганизовала Австрию. Независимо от того, поддерживала ли она узурпатора или, напротив, осуждала и наказывала его, класс леудов в этой ситуации понёс наказание за свой эгоизм или непредусмотрительность. Руководствуясь до сих пор в своём сопротивлении королевскому абсолютизму лишь анархическими инстинктами, они так и не смогли воспользоваться своими успехами и обеспечить будущее, установив в регулярной и постоянной форме правительственное влияние аристократии. Личной власти короля они противопоставили лишь другую личную власть, иного происхождения, но с неопределёнными полномочиями – власть майордома, которого они стремились превратить в вице-короля.

Не обеспечив себе коллективного участия в осуществлении суверенитета, они обрекли себя на выбор: либо быть угнетёнными своим могущественным представителем, если он склонялся к монархическим идеям, либо потерять всё вместе с ним, если он, борясь против династии, потерпел бы поражение в этой борьбе.

Таков был урок событий 656 года и последовавших за ними крупных потрясений, длившихся более четверти века. Австрия вновь попала под гнёт институтов и людей Нейстрии, и то, что Хлодвиг, избавившись от Гримоальда, не взял на себя обязательств перед бывшими подданными своего брата, видно из того, что он не позаботился, как это сделал Хлотарь II после свержения Брунгильды, хотя бы о сохранении видимости автономии Австрии, назначив во главе её отдельного майордома. Майордом Нейстрии, Эрхиноальд, человек, впрочем, осторожный и склонный к компромиссам, получил трудную задачу управлять администрацией обоих королевств и справлялся с ней без кризисов до своей смерти, наступившей около 658 года.

Унижение Австразии стало очевидным при выборе преемника Эрхиноальда, назначенного собранием, считавшимся национальным. Франки, как пишет Фредегар, после долгих колебаний возвели Эброина на эту вершину почестей. Двадцать лет гражданской войны стали следствием этого провозглашения, столь тщательно подготовленного и в котором, казалось, восторжествовало влияние королевы Батильды. Никогда франкская аристократия не сталкивалась среди защитников монархических прав с более искусным и упорным противником, чем её новый законный представитель. Таким образом, майордом дворца претерпел вторую трансформацию, и это оружие, ставшее столь грозным в руках знати, внезапно обратилось против тех, кто его выковал.

Однако, несмотря на энергию майордома Эброина, передача власти не обошлась без временного ослабления её механизмов, и Австразия получила возможность восстановить свою независимую и отдельную жизнь. Хлодвиг умер уже три года назад, оставив двух сыновей. Старший, Хлотарь III, сменил его под опекой матери Батильды. Австразийцы добились для второго сына, Хильдерика, статуса короля и избрали майордомом одного из своих, нового человека по имени Вульфальд.

Этот выбор, если он был свободным и обдуманым, свидетельствует о быстром прогрессе реакции против людей и принципов, определивших восстание 613 года. Вульфальд, как показывает вся его общественная карьера, вовсе не был представителем аристократических требований, сформулированных на собрании в Париже. Сеньориальная партия, избрав или даже приняв такого майордома, проявила большую слабость или крайнюю слепоту. Кроме того, её колебания между увлечением и враждебностью по отношению к своим предыдущим избраным лидерам, Пипину и Гримоальду, её бесцельные заговоры, раздоры в случае успеха, поражения после неудач – вся череда событий, в которых она на протяжении сорока лет металась, воображая, что управляет ими или извлекает из них выгоду, достаточно свидетельствует об отсутствии сплочённости, дисциплины и последовательности в коалиции великих леудов. Если основатели второй династии должны были завершить своё дело при поддержке этой нерегулярной и беспорядочной силы, то лишь при условии, что они сначала подчинят её себе и направят по своему пути, а не подчинятся её влиянию. И если история долгого зарождения власти Каролингов ясно показывает один факт, то он заключается в том, что восхождение на трон предков Карла Великого, в котором гений людей сыграл меньшую роль, чем предначертания Провидения, было не столько постепенным воплощением взглядов, сколько окончательным торжеством интересов аристократии. Её анархические инстинкты были столь же противны, как тенденции цезаризма Меровингов мудрому компромиссу, который послужил основой для королевской власти, открытой Пипином Коротким.

Когда Чилдерик вззошел на трон Меца, за главенство в стране боролись ожесточенные группировки; нейтрализуя друг друга, они предоставили новому королю определенную свободу действий и спасли его от

от нападков своих сторонников. Ни один из лейдов не обладал достаточным влиянием, чтобы объединить их всех для достижения общей цели.

После смерти Гримоальда и его сына единственным потомком Пипина Старшего по мужской линии стал ребенок, названный в честь деда и родившийся от брака святой Бегги с Ансгизилом. Этот ребенок, который должен был стать Пепином Геристальским, наследником в той же степени, что и два человека, обладавшие наибольшим богатством и властью в регионе, рос среди внутренних и национальных бедствий и видел, как рушится двойной престиж, который ему, казалось, было суждено поддерживать. Его отец, Ансгизил, умер молодым, убитый личным врагом. В этом случае Пипин проявил свою энергию: еще не будучи подростком, он собственной рукой убил убийцу. Ему потребовалось еще много борьбы, чтобы постепенно вернуть себе то высокое положение, с которого революции сбросили его народ. Ни возраст, ни заслуги не позволяли ему играть публичную роль в 660 году. Более того, история Австрии в это время

очень бледна: именно при дворе Нейстрии на какое-то время произошли новые взлеты и падения борьбы двух монархических и аристократических начал.

Некоторые историки приписывают Эброину глубокие политические комбинации и целую теорию социального нивелирования при бесконтрольной королевской власти. Это слишком самонадеянно компенсирует неадекватность и путаницу современных описаний. Логика событий и характер человека, кажется, гораздо лучше отражены в этой оценке историка каролингских институтов: Я не знаю, хватило ли у мэра Эброина ума понять свою собственную историю, и не следует ли свести всю его политическую систему к инстинкту неупорядоченной страсти, которая находит цель и удовлетворение в самой себе; но историческое значение этого не может быть проигнорировано. Он взялся освободить королевскую власть, хранителем которой он был, от постоянного гнета объединенных против нее аристократических интересов, не считая нужным сохранять для себя, в ущерб принцу, которому он служил, все, что он мог вырвать у их общих врагов.

Этот человек предстает перед нами во всей своей красе: амбициозный, полный дерзости и ресурсов, без принципов, без угрызений совести и каких-либо моральных ограничений, снедаемый потребностью доминировать и бояться, приносящий в жертву своей гордыне даже те интересы, которые он поставил перед собой задачу защищать!

Он шел прямо к своей цели, презирая как союзников, так и противников. Вознесенный к власти благодаря заслугам королевы-матери, именно против нее он впервые применил свой гений интриги и заставил ее покинуть дворец, где до тех пор она властвовала как хозяйка. Единственный человек в Нейстрии, попытавшийся сравниться с ним по влиянию, епископ Парижский Сигебранд, вскоре поплатился жизнью за эту безрассудную попытку. Дав себе, так сказать, свободу действий, он запутал весь народ в обширные сети тиранической администрации. То, что он позаботился поставить во главе пап, в нарушение декрета 614 года, графов по своему выбору, в которых слабость их характера или смирение их состояния обеспечивали ему послушное орудие, достаточно показывает мотив его враждебности к прерогативам аристократии.

После десяти лет борьбы, думая, что подавил всякое сопротивление, он наконец наложил руку на самую заветную привилегию леудов. После смерти Хлотаря III в 670 году он запретил им собираться для избрания нового Меровинга, а сам провозгласил своим авторитетом третьего сына Хлотаря II по имени Теодерик. Но этот государственный переворот оказался для него не более успешным, чем для Брунехильды. Внезапно старый дух германской независимости вновь пробудился. Забыв на мгновение о своих прошлых раздорах, все свободные франки Нейстрии и Бургундии массово поднялись и побежали предлагать корону королю Меца. А кто, говорится в хронике, отказывался идти или пытался бежать, тот видел, что его имущество сожжено, его жизни даже угрожает опасность, и должен был волей-неволей присоединиться к остальным. Эброин и Теодерик, оставшись без сторонников, удалились в монастырь, а Чилдерик, ставший без боя хозяином всего наследства Хлодвига, поспешил, следуя привычке своих предшественников, покинуть столицу Аустразии и поселиться на берегу Сены.

Эта внезапная революция, схожая по своим причинам с революцией 613 года, имела те же последствия. Центральная власть была признана побежденной и разоружена в пользу коалиции леудов. Они немедленно обошли короля Чилдерика и заставили его издать эдикты, в которых он обязывался сохранять в каждом из трех королевств, переданных под его скипетр, законы и обычаи, действовавшие там, как их поддерживали прежние судьи; не назначать ни в одном из графств администраторов из-за пределов региона; и, наконец, не позволять никому, следуя примеру Эброина, осуществлять тираническую власть и бросать вызов его соправителям.

Таким образом, парижский договор был обновлен: провозглашено возвращение к первоначальной организации франкского общества, то есть к федерации земельных владельцев, и

Хильдерик, как и его предок Хлотарь II, стал не более чем хранителем и исполнителем этого договора.

Как и в 614 году, влияние епископата очевидно в ведении всего этого дела, но на этот раз оно проявляется с более решительной инициативой. Вместо роли советника и умеряющего фактора, которую с такой мудростью исполнял святой Арнульф, на этот раз главе церковной аристократии была поручена активная и воинственная политическая функция. Знаменитый епископ Отена, Леодегарий (святой Леже), самый яростный противник Эброина, занял место своего соперника. Король Хильдерик, как говорит биограф, возвысил святого понтифика Леодегария над всем своим домом и передал ему все полномочия майордома. Прелат, взяв в руки бразды правления, вернул к древнему порядку все, что противоречило принципам древних королей и великих леудов, чье поведение заслужило всеобщее одобрение.

Таким образом, Леодегарий получил реальную власть; но Вульфоальд сохранил титул майордома, и этот титул, кажется, некоторое время представлял лишь надзор за дворцовыми службами. Уже тогда все ощущали необходимость разделить должность, ставшую угрозой как для аристократии, так и для королевской власти. Поэтому к договору 614 года была добавлена новая статья – отмена пожизненной майордомы, и было решено, что каждый из глав аристократии по очереди будет занимать эту высшую должность.

Но невозможная попытка разделить и уравновесить государственную власть между династией и политической ассоциацией крупных землевладельцев должна была продлиться еще меньше во второй раз, чем в первый. У обеих сторон были непримиримые тенденции и интересы. Хильдерик, в частности, унаследовавший чувственные аппетиты и деспотические инстинкты своей расы, был неспособен долго подчиняться требованиям такой деликатной ситуации. Он быстро нарушил обязательства, которые взял на себя, чтобы получить трон. Через три года, устав от слишком строгого надзора Леодегария, он поссорился с ним и заточил его в монастырь Люксей, вместе с Эброином. Эта опала не была вызвана простой личной антипатией; она стала сигналом полного переворота в правительстве, и аристократия дорого заплатила за свой мимолетный триумф.

Следуя по стопам самого Эброина, король с удовольствием унижал и угнетал леудов, которые вели с ним переговоры как равные. Но один из них, Бодолен, которому он нанес наказание, предназначенное для рабов, отомстил за свое оскорбление и поражение своей партии, убив Хильдерика и его жену во время охоты (сентябрь 673 года). Майордом Вульфоальд бежал в Австрию. Никакой власти не осталось: анархия достигла предела. Все авантюрные лидеры, которых судьба предавала в быстрой череде последних революций, внезапно появились снова, как, по словам хрониста, змеи, наполненные ядом, выходят из своих нор с приходом весны. Разгул их взаимной ненависти вверг страну в такой хаос, что люди ожидали скорого пришествия Антихриста. Король Теодерик, Эброин, Леодегарий, внезапно освобожденные из монастырского заточения, вернулись на арену.

Эброин быстро вернул себе положение хозяина ситуации. Вновь заняв должность майордома, несмотря на голосование национального маллума, который передал ее Леудесу, он избавился от своего неутомимого соперника, епископа Отена, совершив преступление, свел королевскую власть Теодерика к насмешливому титулу и с тех пор без помех, без угрызений совести, с жестокой настойчивостью проводил свои политические принципы в королевствах Нейстрии и Бургундии.

Австрия избежала его влияния во время этих внутренних конфликтов. Вульфоальд, который, кажется, во всех обстоятельствах представлял идеи и интересы класса второстепенных леудов, вернул из изгнания и восстановил на троне Меца Меровинга Дагоберта II, сосланного восемнадцать лет назад Гримоальдом в ирландский монастырь. Такое восстановление не сулило ничего хорошего членам семьи Арнульфингов. Новый монарх не научился прощать обиды в невзгодах, и высшая аристократия, которая когда-то предала его дело, нашла в нем

решительного противника. Кроме того, привычки монастырской дисциплины внушили ему римское понятие о правительстве. Программа, которую он пытался реализовать, была ничем иным, как программой Брунгильды. Как и она, и даже быстрее, он потерял трон и жизнь. Уже на четвертый год своего правления партия знати массово восстала, свергла его и устроила над ним суд. Его обвиняли в разорении городов, в пренебрежении советами сеньоров (*seniorum*), в наложении на народ унижительных налогов, не щадя даже церквей Божьих и его понтификов. Этого было более чем достаточно, чтобы перед таким судом вынести смертный приговор. Хроника говорит, что герцоги, с согласия епископов, вонзили ему меч в пах до рукояти.

У каждого народа, на каком бы уровне развития он ни находился, более или менее законное убийство короля его подданными неизбежно знаменует конец его династии. С Дагобертом II потомство Хлодвига навсегда исчезло из Австразии. Крупные землевладельцы заменили монархию федеративным государством, в котором каждый из них должен был сохранять полную политическую независимость, но где, фактически, с самого начала преобладание принадлежало Пипину и его кузену Мартину, другому внуку святого Арнульфа. По этому признаку легко понять, что заговор против власти Дагоберта, а возможно, и исполнение приговора, были делом рук этих двух молодых людей. Наделенные вместе титулом герцогов франков, они, по крайней мере, стремились оправдать свое возвышение не только амбициозными интригами или даже славными семейными воспоминаниями. Они использовали свою власть и таланты для защиты страны, долгое время находившейся в забвении; они доблестно охраняли границы Германии, вновь ставшей агрессивной благодаря внутренним раздорам франков, и в серии умелых походов подчинили себе швабов, баваров и саксов.

Однако в то время как коалиция двух аристократий – светской и церковной – одержала верх в Австразии над центральной властью, противоположная сторона победила в Нейстрии. Эброин, уничтожив все привилегии леудов и покарав изгнанием и пытками последних защитников старых обычаев, только что увенчал свою победу, приказав убить епископа Леодегария, которого он держал в плену уже четыре года. Достигнув таким образом, через столь же жестокие кризисы, крайних последствий принципов, за которые они так часто сражались, два соседних государства не могли не столкнуться снова в решающей борьбе. Убеждения изгнанников из Нейстрии и Бургундии, жертв тирании Эброина, нашедших убежище в большом количестве у них, побудили молодых австразийских герцогов взять на себя инициативу войны. Они смело двинулись к Сене во главе сильной армии, уверенные, что Эброин не получит серьезной поддержки от франкских воинов ни одной провинции. События обманули их ожидания. На этот раз леуды Теодорика подчинились скорее национальной неприязни, чем своим кастовым интересам: они бросились вслед за своим грозным майордомом против войск Востока, которые были полностью разгромлены. Пипин и Мартин были увлечены в бегство своими солдатами. Последний укрывшись за неприступными стенами Лана.

Эброин заманил его на переговоры, поклявшись на святых реликвиях уважать его жизнь и свободу, и, овладев его личностью, приказал убить его вместе со всей его свитой.

Границы Австразии оставались без защиты перед вторжением, которое угрожало стать еще более разрушительным для ее институтов, чем вторжение Брунгильды в 612 году. Она внезапно избежала этой неминуемой опасности благодаря одному из самых обычных инцидентов в политических кризисах того времени: удару кинжала. Эброин, уже захвативший Шампань и Эльзас, был убит в разгар своего триумфа нейстрийцем, который сразу же побежал искать убежища и награды у Пипина Геристальского (680).

Побежденный при Лукофаго не мог думать о немедленной мести: он считал себя достаточно счастливым, заключив мирный договор с преемником Эброина, майордомом Вараттоном, человеком спокойным и склонным к примирению. Но партия действия, сильно организованная в Нейстрии и чувствовавшая свое превосходство, не хотела так легко отказываться от своей добычи и требовала войны до конца. Собственный сын Вараттона, по имени Гизле-

мар, встал во главе недовольных, лишил своего отца власти, повел новую армию вторжения в Австразию и нанес второй удар войскам Пипина. Страх, что его отец может заменить его во время его отсутствия, помешал ему воспользоваться своей победой и заставил поспешно вернуться в Нейстрию, где он вскоре умер. Вараттон, восстановленный в своей должности, занимал ее только два года, всегда стремясь избежать причин внешнего конфликта.

Но Бертаир, его зять и преемник, не последовал этому примеру. Он вернулся к политике Эброина и пренебрег советами и дружбой франков, по крайней мере тех, кого историки австразийской партии считают единственно значимыми, то есть членов аристократии. Кажется, он даже не остановился перед суровыми мерами, чтобы подчинить их; ведь изгнанные или бежавшие вельможи Нейстрии и Бургундии снова устремились к Пипину, умоляя о помощи его меча. Герцог колебался, вспоминая о своих недавних поражениях. Однако, убежденный в справедливости их дела, он сначала попытался добиться успеха мирными переговорами; он послал просить короля Теодориха принять изгнанных обратно в милость и вернуть им владения, которые у них были отняты. Эти владения, очевидно, в большинстве своем были отзывными бенефициями, связанными с фиском или переданными сторонникам Бертаира: просьба Пипина, таким образом, сводилась к тому, чтобы сместить политическое влияние в Нейстрии в пользу противников майордома. Король, по наущению последнего, ответил объявлением войны. Он сообщил посланникам, что сам отправится искать своих беглых слуг, которых Пипин принял у себя вопреки праву и закону. С обеих сторон начались приготовления к войне. На этот раз столкновение двух армий произошло в бассейне Соммы, в Тестри, на берегах реки Оминьон (687 год). Пипин так мало желал этого вооруженного конфликта, что прежде чем вступить в бой и доверить судьбу родины случайностям сражения, он хотел исчерпать все пути к примирению. Он даже предложил значительную сумму денег, чтобы избежать борьбы. Слепая самонадеянность Бертаира заставила его отвергнуть все предложения о примирении.

Пипин, вынужденный сражаться, показал себя столь же умелым полководцем, каким он был осторожным переговорщиком. Благодаря искусно задуманной хитрости он прорвал вражеские линии и обратил противника в полное бегство. Бертаир, виновник катастрофы, был зарезан своими же соратниками, возмущенными его недальновидностью и трусостью. Бедный король Теодорих, который, конечно, не нес никакой ответственности за это предприятие, бежал до самой Сены, преследуемый австразийской армией. В конце концов, не зная, где найти верных и преданных друзей в своей неудаче, он решил дожидаться в Париже своего победителя и отдаться на его милость. Пипин не стал провоцировать новых раздоров среди франков каким-либо покушением на королевскую особу: он почтительно сохранил за меровингским принцем титул короля, как говорит анналист из Меца; но он взял в свои руки управление всей империей, королевские сокровища и командование всей армией франков.

Одним словом, реальная власть полностью перешла в руки внука святого Арнульфа. Что касается потомка Хлодвига, сидевшего на своем троне в некоторых публичных церемониях с распущенными волосами и длинной бородой, то он, как говорит Эйхард, представлял собой лишь монарха по названию. Он принимал иностранных послов и, при их отъезде, как бы по своей собственной воле, давал ответы, которые ему подсказывали или, скорее, приказывали. За исключением пустого титула короля и содержания, которое майордом назначал ему по своему усмотрению, он владел лишь одной виллой с очень скромным доходом, и именно там он держал свой двор, состоящий из очень небольшого числа слуг, выполнявших самые необходимые обязанности и подчинявшихся непосредственно его приказам. Он никуда не ездил иначе, как на повозке, запряженной волами и управляемой погонщиком, как у крестьян.

Пипин Геристальский, как точно заметил Анри Мартен, был, под титулом майордома, тем, чем были первые франкские короли, – военным вождем и верховным судьей нации. Как и основатели монархии, он был гораздо больше озабочен внешней ролью народов, подчиненных его власти, чем их соперничеством за преобладание. Вот почему, вместо того чтобы подражать

Меровингам и воспользоваться восстановлением национального единства, чтобы обосноваться в более роскошных резиденциях Нейстрии, он остался в своих наследственных владениях, на передовых рубежах христианства, перенеся таким образом центр власти франков с берегов Сены на берега Мааса. Но большинство историков ошибочно видят в этом факте доказательство того, что власть вернулась вместе с ним к германскому миру. Напротив, именно романское влияние приобрело здесь всю территорию и сделало этот шаг вперед против варварства.

Впрочем, истинный характер революции, совершенной на поле битвы при Тестри, явно отмечен направлением, которое с тех пор приняла политика Пипина и его преемников. Вся история герцогов франков, предшественников Карла Великого, достаточно свидетельствует о том, что именно романскому обществу, а не германизму они обязаны вдохновением и что ему принадлежит вся честь их законодательных институтов, равно как и их военных подвигов.

4. Тацит, говоря о древних германцах, сказал: *Reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt*. – У них королевское достоинство дается по рождению; действительное командование – по личной доблести. – Это различие хорошо характеризует вид *governmental dualism*, который был в силе у франков после битвы при Тестри. Истинная формула нового порядка вещей, выраженная в тех же терминах в хрониках и публичных актах того времени, заключается в том, что король царствует, а майордом управляет.

Но, как едва ли нужно говорить, не следует искать в словах какой-либо аналогии между доктриной современного конституционализма и режимом, возникшим после австразийской победы 687 года. Власть, переместившись, не разделилась. Тогда не было места ни в умах, ни в нравах для сколько-нибудь сложного механизма политического уравнивания. Лишенная своего всемогущества, меровингская династия тем самым была упразднена. То, что оставалось у нее еще на некоторое время престижа, она обязана была не реальным прерогативам своего нового положения, но, напротив, неведению масс об этом самом изменении или их неуверенности относительно продолжительности совершившейся революции. Дело в том, что монархия еще не была институтом; это был лишь факт. Эгоистичная и жестокая, как все другие социальные силы, с которыми она боролась, меровингская королевская власть, как мы видели, вообще преследовала лишь личные интересы, не заботясь и даже не сознавая общественной миссии, которую ей следовало выполнять. Однажды побежденная и обезоруженная, эта индивидуальная сила, лишенная морального действия, совершенно перестала иметь значение, и в продолжающемся процессе формирования галло-франкского общества ничего не изменилось из-за этого: просто стало одним элементом меньше, и притом худшим, я имею в виду цезаризм.

Аристократическая партия, в своей совокупности, была истинным победителем монархии, и по праву завоевания верховная власть принадлежала конфедерации крупных землевладельцев. Но этой партии было бы весьма затруднительно осуществлять ее, поскольку у нее никогда не было серьезной правительственной программы, и она, как и сама династия, во всех своих предприятиях руководствовалась слепыми и беспорядочными страстями. Поэтому великим левдам пришлось отречься в пользу своего вождя, Пипина, который один представлял традицию и волю.

Задача, которая тогда легла на герцога франков, наделенного безграничной властью при абсолютной ответственности, была самой серьезной и трудной, какая только может выпасть на долю главы государства. Гражданские раздоры почти не оставили от старого франкского империи ничего, кроме имени: социальный порядок и политическая мощь пережили одинаковый упадок. Восстановить согласие между разделенной нацией и правительством, возникшим из победы одной партии, было бы уже, конечно, тяжелым трудом; но это была наименьшая из трудностей ситуации. Ибо франкской нации почти не существовало, и сам принцип национального правительства был стерт. Нужно было восстановить, почти создать и то, и другое.

Восстановление военного влияния франков вовне и политического единства внутри, между различными провинциями королевства, стало главным делом Пипина Геристальского

и Карла Мартелла. Что касается правительства, как оно вытекало из христианских принципов, заменивших старые имперские порядки, то в течение века и через тысячи проб оно едва получило свои зачаточные органы. Пипин Короткий должен был первым заложить его истинные основы, а Карл Великий – реализовать его гармоничное целое.

Из двух центральных институтов, в которых изначально заключался суверенитет, а именно королевской власти и национальных собраний, мы видели, до какого тщетного видимости была сведена первая победителем при Тетри. Он, напротив, стремился возродить вторую и вернуть ей ее первоначальное значение. При цезаристском режиме, который короли и майордомы Нейстрии старались установить, созыв больших ежегодных собраний как можно чаще игнорировался, и их политическое действие всегда подавлялось. Пипин Геристальский, говорят Мецские анналы, восстановил в этом отношении древний обычай и регулярно каждый год проводил Мартовское поле, куда все франки должны были являться под угрозой штрафа. Но легко понять, что древний обычай, упомянутый анналистом, соблюдался там лишь формально. То, что было сказано выше о роли ленивых королей в этих так называемых народных комициях, достаточно показывает, что это были уже не более чем церемониальные мероприятия, где короли показывались в пышности той части народа, которая жила близ их дворца и оставалась завистливой, желая их видеть, а не политическое собрание, участвующее в управлении.

Характер и цель реформы, проведенной Пипином в этом пункте, кажутся преимущественно военными. Мартовское поле вновь стало местом сбора и общего смотра воинов перед началом ежегодных походов. Национальная армия, которая фактически представляла собой весь народ, активно участвовала в этом только через своих предводителей.

Члены, вызванные на эти собрания, должны были иметь мало личного интереса в том, чтобы присутствовать на них, и, с другой стороны, их пренебрежение должно было представляться герцогу франков как более серьезная проблема, чем отсутствие их контроля над его решениями или действиями, чтобы он решился наложить штраф на непокорных. Уголовная санкция за осуществление политического права – это утонченная концепция, совершенно чуждая умам VII века, и даже теоретики народного суверенитета до сих пор не смогли внедрить ее в современные конституции.

Таким образом, обсуждение государственных дел, ограниченное великими левдами и сосредоточенное на военных вопросах, не имело того всеобщего характера, который некоторые выражения хроник склонны ему приписывать. Ничто, по правде говоря, не напоминает меньше эти Мартовские поля конца VII века, чем малл времен завоевания, где все члены свободной франкской демократии имели равное право высказываться о предприятиях, руководство которыми было доверено королю племени. В ту эпоху законодательная деятельность исходила от сотрудничества двух агентов: короля и массы свободных людей. Эти два агента, ко второму веку территориального владения, потеряли всякую инициативу и оказались подчинены, уничтожены: первый – майордомом, второй – аристократическим корпусом. Законодательное влияние древнего малла перешло к другим, непериодическим собраниям, состав которых был еще менее национальным, чем состав Мартовского поля: своего рода конгрессы тогдашних социальных сил, как, например, собрание в Андело в 587 году, а затем в Париже в 614 году, где партия и даже семья австразийских майордомов особенно способствовали, если не введению, то по крайней мере утверждению преобладания нового элемента, совершенно негерманского по духу – епископата. Церковная и военная аристократия, таким образом, торжествовала здесь, как и везде, и порядок, который она стремилась установить, не менее отличался от анархической демократии племен за Рейном, чем от древней имперской централизации.

Внешняя политика Пипина дает еще более поразительное опровержение мнению, которое изображает его как защитника и восстановителя тевтонизма.

Франки, с тех пор как их независимая конфедерация появилась в истории, имели только враждебные отношения с другими ветвями германской семьи. Особенно после их поселения в

христианской стране их главной заботой было сдерживать вторжения варварских племен, жаждущих разделить с ними добычу империи. Алеманны, тюринги, саксы, фризы, бавары и лангобарды, последовательно побежденные, обложенные данью первыми меровингскими королями, конечно, никогда не имели никаких оснований считать новых правителей Северной Галлии своими братьями. Но страх перед именем франков быстро ослаб среди их внутренних раздоров. Подчиненная Теутения постепенно смогла сбросить иго и вновь приняла агрессивную позицию вдоль всего Рейна, в то время как галло-римляне к югу от Луары и кельты Армориканского полуострова восстанавливали свои свободные государства под руководством своих национальных вождей. Все границы были одновременно под угрозой.

Верный духу своей расы и пренебрегая, ввиду высших интересов цивилизации, подавлением восстаний христианских провинций запада и юга Галлии, Пипин посвятил все свои усилия сначала покорению язычников за Рейном. Эта жестокая германская война, которая стоила франкам двадцати пяти лет труда, в конечном итоге не принесла им никакого нового и устойчивого политического установления. Однако, в высшем порядке исторических соображений, она имела *capitalное* значение: она знаменует начало возмездия за роковые вторжения V века, открывая железом путь евангельской проповеди в самое сердце варварства и давая Церкви ее первые территориальные завоевания в этом направлении.

До этого времени христианство, даже в период своего первого быстрого распространения при обращенных императорах, не выходило за пределы Рейна и Дуная. Миссионеры кельтского происхождения, ирландские монахи и прелаты франкской Галлии, смогли лишь вернуть утраченные позиции в древних римских провинциях, захваченных ордами с Севера. Христианству потребовалось всё это время (со времени вторжения), как отмечает Озанам, чтобы восстановить границы, которых оно уже достигло в своих первых проповедях, вернуть города, в которых Цезари воздвигли базилики, города, епископы которых заседали на соборах в Арле, Сардики и Аквилее. Все эти усилия привели лишь к восстановлению разрушенного наследия римской цивилизации. Теперь же предстояло продолжить это дело, укрепиться в Великой Германии, куда проникали Друз, Марк Аврелий и Проб, но не оставили там ничего долговечного, и которую сенат так и не решился превратить в провинцию. Этот шаг стал необходимым для самой безопасности христианского общества... Нужно было перейти границы Римской империи или уступить, как это сделали они сами: ведь судьба завоеваний такова, что они не могут остановиться, не отступив рано или поздно.

Кельты, ученики святого Колумбана, вступили в контакт с германцами континента.

Вот яркое оправдание амбиций, даже узурпации, если угодно, Пипина Геристальского: он собрал все силы своего народа, чтобы возобновить цивилизаторскую миссию, возложенную на завоевателей Галлии, и которую национальная династия становилась всё менее способной осуществлять. Именно к этим экспедициям конца VII века и к системе христианской колонизации, начатой там последовательно знаменитым прадедом Карла Великого, следует отнести дело объединения Центральной Европы, осуществлённое на время и с такими благоприятными последствиями основателем Священной Римской империи.

Что особенно характеризует новую эру религиозной пропаганды, открытую победами Пипина Геристальского, так это более прямое и постоянное вмешательство папства в апостолат среди неверующих. Изолированный волной великих нашествий в сердце урезанной империи, глава католицизма, как только буря утихла, вновь взял на себя инициативу обращения варварских народов, находившихся за пределами сферы влияния древних епископских городов, которые устояли. Именно так святой Григорий Великий девяносто годами ранее привёл в лоно Церкви англосаксов, народ миссионерский, чей характер склонял их к смелым и трудным предприятиям, а общность происхождения, сходство обычаев и языка делали их гораздо более подходящими для этой задачи, чем...

Действительно, именно Великобритания, ставшая островом Святых, отправляет на правый берег Рейна первых пионеров Евангелия, вслед за победоносными франками и под их защитой. Благодаря договору, навязанному Пипином герцогу фризов, святой Виллиброрд с двенадцатью спутниками занимает эту территорию и водружает там знамя креста, которое он будет твёрдо держать в течение сорока лет. Посланный в Рим к папе Сергию от имени герцога франков, он выступает посредником между Святым Престолом и героем в организации этой новой христианской провинции; он возвращается оттуда с паллием и основывает епископство Утрехт, первое, созданное на земле, лишённой римских традиций (696 год). С этого момента языческая Германия была покорена, и путь для апостолата святого Бонифация был открыт.

В 713 году Тевтония, снова покоренная, наконец позволила своему победителю вздохнуть свободно. В тот год, как говорят анналы Меца, князь Пипин не был вынужден вести армию за пределы своего княжества. Однако укрепление его власти внутри самого княжества, которое все еще не имело никакой системы внутренней организации, представляло для его старости достаточно сложную задачу, тем более что немногие достижения, полученные в этом отношении за последние двадцать пять лет, оказались под вопросом.

В беспрецедентной ситуации, созданной победой при Тестри, Пипин, чтобы смягчить переход, не считал нужным сразу отказаться от титула своей прежней должности майордома. Но, поскольку ему больше не подобало лично подчиняться меровингскому королю в выполнении подчиненных функций, он передал исполнение этих обязанностей одному из своих верных людей по имени Нордберт, своего рода заместителю майордома, который с тех пор представлял его в Нейстрии. Теодорих и его старший сын, Хлодвиг III, провели свои темные и бездеятельные правления под опекой этого чиновника, пока Пипин вел свои великие экспедиции за Рейн.

С приходом к власти Хильдеберта (695 год), после смерти Нордберта, герцог франков решил разорвать слабую связь, которая, казалось, все еще держала его в зависимости от наследственной монархии. Он официально провозгласил майордомом своего сына Гримоальда, тем самым возведя свою собственную власть в личное и абсолютное право, основанное только на его гении и славе.

Управление Гримоальда, молодого человека с мягким и миролюбивым характером, встретило в Нейстрии тем меньше трудностей, что Пипин сумел привлечь на свою сторону традиционных противников своей семьи и австразийского влияния, женив своего старшего сына, Дрогона, герцога Шампани, на дочери бывшего майордома Варатта, вдове Бертария, побежденного при Тестри. Пятнадцать лет спустя, после окончания германской войны, другой брак укрепил непрочный союз, заключенный тогда с самым грозным из недавно покоренных врагов за Рейном. Молодой майордом Гримоальд, в свою очередь, стал зятем герцога фризов Радбода. Это, по сути, единственная уступка Пипина тевтонству.

Если он сумел использовать браки своих детей для реализации своих политических планов, то известно, как двойной союз, который он сам заключил, стал, напротив, источником гражданских *unrest*, а также домашних огорчений. По примеру Пипина Старшего, он выбрал свою жену среди романского населения Южной Галлии. Аквитанка Плектруда, его ревностная спутница и, возможно, вдохновительница в его делах христианской пропаганды, родила ему двух сыновей, о которых шла речь выше, Дрогона и Гримоальда. Однако этой первой привязанности, дважды священной, ему оказалось недостаточно. Будь то из-за амбициозных соображений низшего порядка или из-за того, что он, вопреки своей набожности, поддавался бурным порывам своей варварской природы, он позволил себе подражать полигамным нравам, слишком распространенным в высших кругах франкского общества, и особенно при дворе Меровингов. При жизни Плектруды он взял вторую жену, красивую и знатного происхождения, как говорят хронисты, по имени Альпаида, которая должна была стать матерью Карла Мартелла.

Это первое публичное нарушение такого рода великих принципов христианской морали, которое история отмечает в потомстве святого Арнульфа и Пипина Старшего. Эта ошибка

чуть не имела самых пагубных последствий даже в политическом порядке, выбросив главу австразийской аристократии за пределы традиций его семьи. Действительно, роковая ситуация, в которой она оказалась, несомненно, больше, чем природная порочность характера, сделала Альпаиду на время, при по крайней мере пассивном соучастии герцога, противницей духовенства и, следовательно, цивилизаторской работы, которую символизировало в некотором роде правление Пипина Геристальского. Разрыв с Церковью, вызванный увещаниями и осуждениями смелого прелата, даже перерос в святотатственную войну и закончился кровавой драмой, напоминающей худшие дни преследований Брунгильды. Епископ Маастрихта Ландберт (святой Ламберт), ставший ненавистным наложнице, отказав ей в почестях, полагающихся ее незаконному положению, вскоре погиб, убитый родственниками и сторонниками оскорбленной женщины (708 год).

Смерть святого привела к результату, которого при жизни не смогли добиться его усилия. Пипин, потрясенный таким преступлением, сразу же отверг спутницу, чье влияние оказалось столь великим и роковым. Он вернул Плектруду; но суровые искупления его заблуждений должны были омрачить его старость.

Дрого, его старший сын, умирает примерно в это же время. Гримоальд, второй, мягкий, но малоэнергичный, казался мало пригодным для того, чтобы нести тяжелое наследие управления франками. И, по горькой иронии судьбы, опальная жена Альпаида родила ему еще одного ребенка, по имени Карл (Карл, на романском языке), уже сильного и доблестного, в котором оживали все черты отцовского гения. Невинная жертва чужих преступлений, обиды Плектруды и кровь Ландберта были достаточны, чтобы отстранить этого молодого человека, когда катастрофа, плохо объясненная в истории, еще больше углубила пропасть недоверия, отделявшую его от его естественной семьи.

Пипин заболел (714 год) в своей вилле Юпиль, близ Геристаля и Льежа, и Гримоальд поспешил из Нейстрии к нему. Возможно, сыновняя любовь была не единственным его мотивом, и он хотел быть готовым, если отцовское наследство откроется, противостоять попыткам сторонников Карла. Событие вскоре доказало силу и дерзость его врагов. Однажды, когда он молился за здоровье старого герцога в базилике, воздвигнутой в честь святого Ламберта на том самом месте, где епископ был убит, удар меча, нанесенный неизвестной рукой, сразил его насмерть перед гробницей мученика. В отсутствие свидетелей это новое злодеяние было повсеместно приписано виновникам первого. Молодой Карл был заподозрен самим Пипином в соучастии в убийстве, столь выгодном для его амбиций, и его опала стала с тех пор необратимой.

Вместо того чтобы обратиться к сыну Альпаиды и в отсутствие законных наследников покойной, герцог усыновил шестилетнего ребенка, тоже бастарда, которого Гримоальд родил от наложницы до женитьбы на дочери Радбода. Именно этого бастарда, названного Теодоальдом, он выбрал для представления своего княжества в Нейстрии, как это делали ранее Гримоальд и Нордберт, с титулом и в необычайно уменьшенной должности мэра дворца. Но он едва успел предусмотреть этот род лейтенантства, очевидно, рассчитывая на грядущее возвращение собственных сил, что позволило бы ему и дальше осуществлять верховную власть, как смерть настигла его (16 декабря 714 года). Как единственный автор и гарант внутреннего умиротворения франкских государств, дело всей его жизни исчезло вместе с ним. Два года анархии и гражданской войны должны были поставить под сомнение все политические и моральные достижения, с таким трудом завоеванные правительством доблестного герцога. Меровингский король оказался не у дел, и не осталось ни одного реального авторитета, способного остановить ужасающее расчленение империи.

5. Слеплённая амбициями, Плектруда сначала попыталась сама занять вакантный суверенитет, добившись передачи юному Теодоальду, находившемуся под её опекой, политического наследия её мужа. Владение сокровищами Пипина позволило ей привлечь, хотя бы вре-

менно, на свою сторону австразийских леудов, и её первым актом власти стало заключение в тюрьму в Кёльне, с их помощью, сына Альпаиды.

Этот акт насилия был столь же противозаконным, сколь и противоречащим национальным интересам. Чисто почётный титул, которым был наделён Теодоальд, не предполагал, особенно учитывая его возраст, такого расширения полномочий, к которому он внезапно был возведён. Что касается прав по рождению, то бастард Гримоальда имел их, несомненно, ещё меньше, чем бастард Пипина на наследование последнего. Карл, впрочем, был единственным, кто мог выполнить обязанности, связанные с этим наследованием, и чтобы соображение такого рода, столь важное в представлениях того времени, не склонило голоса в его пользу, австразийской аристократии нужно было быть крайне недалёковидной и продажной.

Многочисленная группа верных сторонников собралась вокруг юного майордома, чтобы отправиться с ним ко двору короля Дагоберта III. Но при первых слухах об этом походе нейстрийцы восстали. Если они и приняли или смирились с личным превосходством Пипина, они не допускали, чтобы семья Арнульфингов таким образом удерживала власть, подобно принципу монархического наследования, и присваивала себе право назначать, наряду с бездеятельными королями, бездеятельных майордомов. Новая Брунгильда недолго ждала наказания за свою дерзкую затею. Атакованная нейстрийцами в лесу Куиз (близ Компьена), её армия была разбита наголову. Очень немногие из её сторонников избежали резни, а её внук, на которого она возлагала все свои честолюбивые мечты, вскоре после этого умер.

Победители возвели на пост майордома одного из своих, человека энергии и таланта, по имени Рагенфред, из Анжу. Какой бы мудростью ни обладал этот вождь, народная страсть увлекла его далеко за пределы оборонительной позиции, которую узурпация Плектруды могла законно внушить западным франкам. Он хотел дать своим соратникам удовлетворение от мести, и поскольку национальное чувство было столь же притуплено у него, как и у большинства других вождей аристократии, он не колебался призвать против Австразии поддержку традиционных врагов франкской расы и религии. Он заключил союз с языческими племенами Фризии (нынешняя Голландия), с которыми согласовал совместное вторжение. Пока победители из леса Куиз продвигались через Шампань и Арденны в старое рипуарское королевство, фризские отряды с другой стороны нарушили его границу к северу от Рейна под предводительством своего герцога Радбода. Впрочем, этот набег не имел никакой политической цели. Австразия, охваченная анархией, оказалась не в состоянии защитить свою независимость или территориальную целостность. Но ни Рагенфред, ни Радбод не стремились ни к её расчленению, ни даже к лишению её автономии. Особенно последнее решение шло вразрез с устремлениями партии Рагенфреда; ведь Нейстрия теперь сражалась за дело сепаратизма. Единственным результатом экспедиции стал грабёж захваченной территории и выкуп старой Плектруды. После этого каждая из армий, насытившись добычей, вернулась на родину, оставив Австразию свободной устраивать своё внутреннее управление по своему усмотрению. Леуды Запада, кажется, боялись не меньше затруднений от господства над австразийцами, чем унижения от того, чтобы быть под их властью.

Однако альтернатива была неизбежной, и государственное объединение франкских земель стало программой, которая отныне определяла усилия любого, кто претендовал на политическую роль. Рагенфред упустил этот первостепенный интерес; другой поднялся, чтобы утвердить и поддержать его: это был Карл Мартелл.

В крахе удачи Плектруды он внезапно обрёл свободу, неизвестно каким образом. Возможно, соратники его отца по славе сами освободили его, поняв, хоть и с опозданием, что только в нём была вся их надежда. Они, по крайней мере, единодушно встали под его знамя (716). Эта храбрая, но едва организованная группа сначала бросилась в погоню за фризами, национальным врагом, чужеземцами. Карл, побеждённый в первой стычке, не пал духом. Радбод продолжал отступление, и австразийский герой обратился против нейстрийцев, возвра-

щавшихся домой через Арденнский лес. Он застал их врасплох у Амблёва, близ Мальмеди, и нанёс им тяжёлое поражение.

Менее чем через год он смог снова отправиться в поход во главе армии, полностью готовой к борьбе. Весной 717 года он выступил из Геристаля, пересек Шарбоньерский лес и вторгся в Камбрези, где его ожидал Рагенфред, расположившийся лагерем у Винчи, близ Кревкёра. Король Нейстрии Хильперик II, преемник Дагоберта III, находился в центре своих войск. Карл, у которого забота об общественном благе преобладала над национальными обидами, сначала попытался добиться результата, ради которого он взялся за оружие, путем переговоров. Его послы предложили королю соглашение на следующих условиях: возвращение всех франкских провинций под единую монархическую власть, под скипетр Хильперика; назначение Карла майордомом этого объединенного королевства со всеми полномочиями, которые принадлежали его отцу. Ответ Хильперика, продиктованный Рагенфредом, не мог быть сомнительным: анжуйский вождь заявил, что он полагается на суд Божий и что исход завтрашней битвы покажет, кому должно принадлежать управление королевством. Карл вновь одержал победу (21 марта 717 года) и преследовал разбитых нейстрийцев до Сены. Тем не менее, он не смог реализовать свой план. Слишком много элементов сопротивления оставалось в Нейстрии, и ему пришлось продолжать опираться исключительно на Австразию. Из-за отказа принять программу национального объединения и поражения, к которому привел этот отказ, Хильперик, король сепаратистской фракции, в глазах победителя при Винчи был повергнут двойным падением. Поэтому он назначил ему не соперника, а преемника в лице Хлотаря IV, малоизвестного Меровинга, чье происхождение не было доказано.

Нейстрийская партия, желая сохранить свою автономию и, возможно, даже создать в своих интересах единство, провозглашенное майордомом Австразии, начала искать мощного союзника. Плохо поддержанный северными варварами в 716 году, Рагенфред обратил свои взоры на юг и призвал герцога Аквитании Одона. Этот человек, происхождение которого неизвестно и которого апокрифические документы незаслуженно связывали с Меровингской династией почти до наших дней, находил в интересах своего княжеского положения достаточные причины для противодействия восстановлению австразийской гегемонии, даже без необходимости быть подстегиваемым семейными обидами.

Соперничество франков было лучшей гарантией независимости романских народов. Таким образом, через год после битвы при Винчи сильная нейстро-аквитанская армия собралась на Эне, недалеко от Суассона, чтобы снова испытать судьбу в этом суде Божьем, который Рагенфред уже однажды призывал, но не подчинился ему. Несмотря на их численность, солдаты Хильперика снова были разбиты, и на этот раз победа восточных войск стала решающей. Рагенфред, едва избежавший катастрофы своих сторонников, понял, что его политическая роль окончена, и бежал в свои анжуйские владения. Тем временем Одон переправился через Луару, уводя с собой, как ценного заложника, бедного короля Хильперика.

Смерть Хлотаря IV, наступившая незадолго до этого и как нельзя кстати, позволила Карлу завершить свою победу и закрепить ее результаты искусным маневром. Став хозяином всей монархии и вдохновляясь примером своего отца после Тестри, он провозгласил королем под своей властью самого Хильперика. Таким образом, он примирил все заинтересованные стороны, как династические, так и национальные интересы, стараясь щадить самолюбие побежденных и уважать приобретенные права. С этой целью он оставил Рагенфреду, даже после последующего восстания, владение графством и подтвердил договор, заключенный между Одоном и нейстрийским правительством, согласно которому провинции за Луарой образовывали практически независимое государство. Фактически, с этого времени франкская Галлия управлялась двумя герцогами, наделенными всеми прерогативами суверенитета: герцогом франков и герцогом аквитанцев.

Если Карл не продвинулся дальше в реализации своей централизаторской политики, то это потому, что восстановленная Меровингская империя должна была противостоять внешним опасностям, гораздо более серьезным, чем те, которые возникали из-за неполной ассимиляции ее административных разделений.

Четыре года анархии после смерти Пипина позволили вассальным народам Германии сбросить иго Франции и даже безнаказанно атаковать ее северные границы, оставшиеся без защитников. Карл в серии искусных экспедиций вернул к покорности швабов, баваров и фризов и оттеснил в свои пределы суровый саксонский народ, который распространился на Тюрингию. К 734 году вся Германия была окончательно покорена.

В промежутке времени в сердце Галлии произошло самое славное военное деяние предка Карла Великого. Битва при Пуатье (732 год) спасла Европу от мусульманского ига и сохранила западное христианство, если не от полного разрушения, то по крайней мере от ослабления, последствия которого были бы катастрофическими для человечества.

Менее чем через столетие после проповеди Магомета его яростные последователи уже распространили свою кровавую миссию за Пиренеи. Войдя в Испанию в 711 году, арабы восемь лет спустя захватили Нарбонну. Вся Бургундия подверглась их опустошениям, и наконец, в 732 году, эмир Абд-ар-Рахман, сосредоточив все свои силы на западе, затопил Аквитанию своими фанатичными ордами и расширил свое господство до берегов Луары. Одо, раздавленный волной вторжения после двенадцати лет героической борьбы, бросился искать поддержки у герцога Карла, своего врага и победителя накануне; ведь мир, заключенный между ними в 720 году, был нарушен в 731 году, и успехи австразийского вождя над южными христианами облегчили успехи мусульман. Общая опасность сблизила двух соперников. Тогда уже не было места старым спорам из-за амбиций и вражде между народами; все провинции католического мира, от Средиземного моря до Рейна и Дуная, смешали своих воинов в легионах, которые Карл повел за собой к Луаре осенью того же года.

Он встретил арабские отряды близ Тура: это был один из самых значительных моментов в истории человечества. Ислам столкнулся с последним оплотом христианства: после вестготов – галло-васконы; после галло-васконов – франки; после франков – больше никого. Это не были англосаксы, изолированные на своем острове; это не были лангобарды, слабые правители истощенной Италии; это не были даже греко-римляне Восточной империи, которые могли бы спасти Европу; Константинополь с трудом спасал себя самого! Современный хронист, Исидор Бежский, не ошибался: он называл франкскую армию армией европейцев. Если бы эта армия была уничтожена, земля принадлежала бы Магомету.

Карл получил там свое прозвище Мартелл (Молот), разбивая неверных, как молотом. Гигантские усилия германо-романских народов, которые он поднял, и которые его гордый пример не переставал вдохновлять во время этой восьмидневной битвы, наконец получили свою награду. Оттесненная медленно до Пуатье, армия захватчиков решила отступить. Франция была освобождена, и навсегда, от мусульманского господства.

Этот кризис ярко продемонстрировал необходимость единства и дисциплины во франкской империи. Одо, в награду за свое спасение, с тех пор признал сюзеренитет своего освободителя. Хунальд, сын Одо, который сменил его в 736 году, попытался освободить свое наследственное княжество; но Карл поспешил с мечом в руке и заставил его принести присягу на верность. Бургундия, нетерпимая к любому регулярному правительству и раздробленная на множество независимых владений, также была приведена к покорности в год, последовавший за битвой при Пуатье. Таким образом, когда король Теодорих Четвертый, преемник Хильперика Второй, умер в 737 году, Карл Мартелл, который не стал утруждать себя его заменой, оказался прочно утвержденным во главе государства, наиболее монархически организованного, чем когда-либо управлял меровингский король.

Но усилия, которые привели к политическому и военному восстановлению Франкской империи, в свою очередь, из-за своей интенсивности, вызвали огромный социальный кризис, и в тот самый момент, когда Карл Мартелл, победитель неверных, казалось, стал спасителем христианской цивилизации, она едва не погибла из-за последствий этой победы. Подвиги этого великого военачальника, обеспечив превосходство австразийцев над Нейстрией и военной аристократии над королевской властью, вновь изменили облик страны. Восточные франки обосновались как завоеватели в городах Запада и Центра, до этого мирно управляемых королевскими чиновниками, и повсюду наблюдались насилия, характерные для варварского нашествия, сопровождаемые политическими переворотами. Битва, которая спасла Галльскую Церковь, дорого ей обошлась: её владения были розданы в качестве феодалов воинам. Карл, раздражённый требованиями своих вассалов, раздавал им епископские посохи и аббатства. Майнцская кафедра последовательно занималась двумя солдатами, Герольдом и Гевилибом, его сыном: первый погиб в бою с саксами; второй, вооружившись, бросил вызов убийце своего отца, зарубил его мечом и без угрызений совести вернулся к служению у алтаря. Подобные предводители не были способны обуздать духовенство; беспорядки больше не встречали сопротивления. Последние следы реформы, осуществлённой святым Колумбаном, исчезли; и, если верить Хинкмару, христианство на какое-то время казалось упразднённым, а в восточных провинциях были восстановлены идола.

С другой стороны, греческие ереси, защищаемые на юге Германии готами и мерулами, возрождались из пепла. Арианство вновь появилось в Баварии. Африканские монахи принесли туда манихейские учения. Там можно было встретить епископов без кафедр, священников без миссии, постриженных рабов, сбежавших из поместий своих господ, развратных клириков, которые выходили из своих пьяных оргий, шатаясь, чтобы идти читать Евангелие народу. Другие приносили в жертву быков и козлов богу Тору, а затем шли крестить детей, неизвестно во имя какого божества. Ирландец по имени Клемент бродил по берегам Рейна, таща за собой наложницу, проповедуя заблуждения, выступая против учения Отцов Церкви и традиций Церкви. Другой еретик, по имени Альдеберт, заставлял читать перед собой письмо Христа, принесённое ангелами, хвастался своими чудесами, сам раздавал свои реликвии. Толпа, увлечённая его молебными, которые он возводил в свою честь, покидала церкви и больше не слушала голоса пастырей.

Школа современных историков тщетно пыталась смягчить, а то и вовсе отрицать ответственность Карла Мартелла за беспорядки, картину которых мы только что видели, обвиняя Церковь в том, что она отомстила клеветой на своего освободителя за чисто материальные жертвы, которые ей пришлось понести ради своего собственного выкупа. Безусловно, народное невежество способствовало распространению в последующие века жалких вымыслов, таких как, например, легенда о видении святого Эухера. Согласно этому вымышленному рассказу, возникшему спустя сто лет после событий, Бог якобы показал Эухеру, епископу Орлеанскому, победителя при Пуатье, сразу после его смерти, преданного в глубинах ада самым ужасным мучениям за узурпацию церковного имущества. После оглашения этого видения гроб Карла был вскрыт, и вместо тела в нем нашли черного и отвратительного дракона. Болландисты облачили эту абсурдную сказку, и тем более основательно, что епископ Эухер опередил великого майордома Австрии в могиле по крайней мере на три года.

Но серьезные и достоверные свидетельства не отсутствуют, чтобы оправдать суровые упреки духовенства. Можно сослаться, среди прочего, на письмо, которое святой Бонифаций, апостол Германии, направил уже в 723 году Даниилу Винчестерскому. Говоря о шаге, который он должен был сделать при дворе герцога франков, и о нежелании, которое он при этом испытывал, он пишет: «Я найду при его дворе ложных и лицемерных пастырей, врагов Церкви Божьей, убийц, прелюбодеев, облеченных епископскими титулами, которые губят самих себя и губят народы. Безусловно, я воздержусь от общения с ними в совершении святых таинств;

но мне будет невозможно избежать их встречи и разговора в самом дворце. Более того, чего мне не следует опасаться от влияния таких людей на народы, которым я буду проповедовать в непорочной чистоте веру Иисуса Христа!»

Предоставление военным церковных должностей – вот истинная и законная жалоба франкского духовенства, отвратительное злоупотребление властью, которое оно осудило. Что касается простой секуляризации церковных имуществ, поскольку церковная дисциплина от этого не пострадала, заинтересованные стороны первыми признали настоятельную необходимость, которая вызвала эту меру, и санкционировали, несмотря на насилие, сопровождавшее ее, превращение церковных владений в военные бенефиции. Решения собора в Лептинах (743 год) доказывают как реальность ограбления, так и мудрость экспроприированных.

Отцы собора согласились оставить распоряжение имуществами, отнятыми у религиозных учреждений, двум принцам – Карломану и Пипину, сыновьям и преемникам Карла Мартелла, чтобы покрыть нужды армии.

Если под давлением обстоятельств и не рассчитав всех последствий своих действий победитель при Пуатье дезорганизовал франкскую Церковь, то велика ошибка тех, кто считает его сторонником язычества и противником католических влияний. С этой точки зрения, напротив, он оставался верен традициям своей семьи: он всегда был энергичным защитником и преданным помощником христианского апостолата среди варваров. Все исторические документы свидетельствуют об этом: у нас есть инструкции, которыми он рекомендовал своим чиновникам в Германии проповедников Евангелия, а также хвалебное письмо, которое его рвение снискало ему от папы Григория Второго.

Более того, даже его грабительские меры в отношении национальной Церкви никогда не ослабляли доверия, которое Святой Престол питал к этому потомку святого Арнульфа. В конце своей карьеры он получил яркое доказательство этого. Именно на него обратил взор верховный понтифик Григорий III, подвергавшийся преследованиям греков и лангобардов, чтобы выполнить, как политический глава христианства, миссию, некогда возложенную на Константина и оставленную выродившимися правителями Восточной империи (741 год). Смерть не позволила Карлу Мартеллу ответить на этот призыв и, возможно, самому получить в ущерб своему внуку славное имя Карла Великого (*Carolus magnus, Charlemagne*). Обращение папства к храброму герцогу Австразии тем не менее точно обозначает одну из самых торжественных эпох нашей истории: момент, когда революция 613 года пришла к своим логическим последствиям. Франция наконец обрела свое единство, Европа находилась на пути к умиротворению и организации под опекой Франции; народ Хлодвига полностью вступил в свою цивилизаторскую роль. Именно семье Арнульфингов принадлежала честь столь быстро достигнутых результатов. Вот что провозгласила в 741 году высшая моральная власть мира, признавая славного наследника этой семьи на его законном месте как главу Галло-Франкской монархии, во главе христианского Запада. Путь был открыт, место подготовлено для короля Пипина Короткого и императора Карла Великого!

Глава 2. – Рождение и воспитание Карла Великого. – Зарождение временной власти пап (742—754)

1. Застигнутый врасплох смертью в зените своей славы и в полной силе своего гения, Карл Мартель, истинный глава династии Каролингов, герой-основатель, от которого она получила свое имя, только что сошел в могилу.

За двадцать пять лет гигантской борьбы он восстановил политическое единство Франкской империи, привел к покорности зависимые государства на севере и юге и защитил монархию от нашествия германского и мусульманского варварства. Казалось, что Провидение все еще зовет его к высшим судьбам. Христианство могло верить, что после своего спасения оно будет обязано ему своей социальной организацией, и именно с этой целью папа Григорий III, уполномоченный толкователь доверия народов, предложил ему вместе с римским патрициатом возглавить цивилизованную Европу. Но Бог решил иначе. И вот, если проанализировать сложные элементы его власти, то страшному победителю Пуатье пришлось бы преодолеть слишком много препятствий, чтобы выполнить эту роль. Союзник лангобардов на полях сражений и сам разоритель галльских церквей, он был плохо подготовлен к тому, чтобы стать защитником Святого престола. Поэтому его карьера ограничилась великими военными достижениями, принесшими ему славу, а окончательные моральные выводы оставили потомкам.

Два его сына, наследники его власти, с самого начала понимали обязанности своего положения. Огромная церковная реформа, проведенная святым Бонифацием, положила начало княжеству Карломана и Пипина. Весь епископат Франции торжественным актом провозгласил свою непоколебимую верность папской власти, все сословия духовенства поклялись подчинить свою мораль и доктрины строгости канонических законов, повсеместно была восстановлена дисциплина монастырской жизни – таковы были, с религиозной точки зрения, условия этого восстановительного режима.

К сожалению, в политической сфере после смерти могущественного Карла вместо умиротворения и гармонии наступили всеобщие беспорядки. Старое соперничество народов, которые он с таким трудом объединил, вновь пробудилось со всех сторон, и тем более ожесточенно, чем энергичнее оно подавлялось. Ничто не было более опасным, чем слияние двух франкских королевств. Более двадцати лет высокомерного и хищного господства австразийской аристократии не только не уничтожили старые антипатии, но лишь разожгли в сердцах побежденных Амблева и Винчи обиду за свое поражение. Трон оставался вакантным после смерти Теодерика V в 737 году. Но в 741 году партия Нейстрийской автономии вновь заявила о себе, восстановив династию Меровингов, падение которой стало результатом неудач западных франков и освящения их престола. Независимо от того, проявили ли инициативу в этой реставрации молодые принцы Карломан и Пипин, как утверждают некоторые, или это был формальный акт оппозиции их правительству, факт остается фактом: они смогли нейтрализовать опасность, сделав имя Чилдерика III символом национального единства и сохранив за собой осуществление власти под его номинальным суверенитетом, с титулом мэров дворца: первый в Австразии, второй в Нейстрии.

Однако за пределами этих франкских провинций восстание против австразийской гегемонии было гораздо более интенсивным, и никакие формальные уступки не смогли бы его подавить.

За исключением мусульман, которые в то время переживали жестокие внутренние раздоры и чьи владения ниже Пиренеев ограничивались территорией Нарбонны, все враги, которых Карл-Мартель последовательно усмирять, сразу же восстали и с оружием в руках потребовали своей автономии. Если Бургундия, возвращенная к повиновению недавней экспедицией

Пипина и его дяди Чилдебранда, и Прованс, еще не оправившийся от страшного наказания, которое он получил в прошлом (736—739) за союз, заключенный его готскими владыками с сарацинами, Вся южная Галлия, от Роны до океана и от Пиренеев до Луары, откликнулась на призыв к войне и освобождению, поднятый Гунальдом, гордым герцогом Аквитании. На другом конце империи агрессия была еще более грозной. Вся Тевтония объединила свои силы, чтобы сбросить иго общего угнетателя. Религиозный антагонизм, который до сих пор был столь яростным между различными народами, внезапно уступил место патриотическому возбуждению; последователи Водена (Одина) объединились с учениками Христа, и не только обращенные в христианство немцы, но и дикие саксы и даже славянские племена встали в один ряд с баварцами под знаменем германской независимости.

Одилон, герцог Байварский, был инициатором и лидером коалиции. Он разработал план и готовился координировать его исполнение с Гунальдом. Искусный в искусстве интриг, он сумел заинтересовать Святой престол, всегда склонный поддерживать притязания слабых народов, в своем деле, и не было даже члена самой семьи Каролингов, с которым он не заключил бы союза и не завоевал сторонников. Баиварская принцесса Сванехильда, вторая жена Карла-Мартеля, и ее сын Грифон, отстраненный от управления государством, были его сообщниками и преданными агентами в сердце Франции. По их наущению родная сестра Карломана и Пипина, Чилтруда, покинула родину, чтобы предложить свою руку принцу Агилульфingu, в то самое время, когда он объявил войну своим братьям.

Так появились Карломан, которому отцовское завещание помимо Австрии приписало Аллеманию и Тюрингию в качестве франкских провинций и дало сюзеренитет над всей остальной Тевтонией, и Пипин, чья номинальная власть охватывала, наряду с Нейстрией, Бургундию и Прованс, Пипин, чья номинальная власть охватывала вассальное герцогство Аквитания, а также Нейстрию, Бургундию и Прованс, на самом деле командовал лишь в примитивных пределах королевства Меровингов, и им все еще приходилось защищать свои границы на Рейне и Луаре от самой организованной агрессии со времен зарождения монархии. Таков был торжественный кризис в судьбах Франции и христианства в момент рождения Карла Великого.

2. Его отцом был второй сын Карла Мартеля, которого хроники из-за его маленького роста и для отличия от его одноименных предков называют Пипином

Карлик или Коротышка. Его мать Бертрада, дочь графа Франка Эриберта, также осталась известной в рыцарских эпосах под именем Берта с Большими Пьедесталами. Первый ребенок в их браке родился 2 апреля 742 года. Ему дали имя Карл, которое в германских идиомах означало «сильный, крепкий» и этимологическое значение которого так хорошо оправдал его доблестный предок. Но разница в гении и роли, отличавшая второго Карла от первого, должна была повлиять на судьбу их имен и сделать их особенными для каждого из них. Как латинская цивилизация формировала ум и вдохновляла поведение сына Пипина Короткого, так и романский язык присвоил его тудонское имя, соединив с латинским эпитетом идею величия и свидетельство восхищения потомков; как коронация этого короля варварского происхождения рукой Папы и у подножия алтаря Святого Петра выделила его, так сказать, из своего рода и сделала главой Священной Римской империи. Герой, которого Германия, наследница единственных германских традиций, продолжает называть Карлом, Карлом Великим, носит в языке и истории неолатинских народов особое имя, созданное для него и принадлежащее только ему: Карл Великий!

Несколько городов претендуют на честь быть местом его рождения. В отсутствие каких-либо точных указаний современных авторов было бы бесполезно и малоинтересно обсуждать соперничающие претензии Ахена, Ингельхайма, Карлштадта, Зальцбурга, Варгула, Констанца и даже Парижа по этому вопросу. Где бы ни находилась Бертрада в начале апреля 742 года, пока ее муж вел кампанию против мятежного герцога Аквитанского, законная родина, если ее можно так назвать, их сына, несомненно, должна была находиться на французской земле. Ведь,

как мы уже видели, государства, пожалованные Пипину в предыдущем году, располагались между Луарой и Мёзом; да и сама Бертрада, дочь графа Аквитанского, родилась во Франции.

Сама она, дочь графа Лаона, принадлежала к Нейстрии и, таким образом, имела двойную причину поселиться там.

Эгинхард, секретарь Карла Великого, знакомый и самый авторитетный из его биографов, заявляет, что не собрал никаких сведений о воспитании своего героя. По его словам, ничего не было написано о его рождении, раннем детстве и юности. Среди людей, переживших тот период, я не встречал никого, кто мог бы утверждать, что знает подробности его ранних лет. Однако мы знаем, что он получил уроки и примеры великого благочестия от своей матери. Епископ Картульф свидетельствует об этом влиянии королевы Бертрады в письме к сыну, в котором говорит: «О король, если Всемогущий Бог вознес тебя в чести и славе выше твоих современников и всех твоих предшественников, то ты обязан этим прежде всего добродетелям своей матери! Некоторые отрывки агиографов также сообщают нам, что он получил образование, наряду с сыновьями главных франкских семей, в палатинской школе – учреждении, которое уже действовало при дворе Меровингов и которое приобрело такой размах и величие во время его правления. Его первым наставником, по-видимому, был Фульрад, аббат Сен-Дени.

Ему еще не исполнилось и десяти лет, когда династическая революция, давно подготовленная его предками и более или менее завершенная после битвы при Тестри, была торжественно завершена коронацией Пипина. Коалиция, которая на следующий день после смерти Карла Мартела поставила Франкскую империю в столь опасное положение, теперь была окончательно разгромлена. Одилон был мертв, а Тассильон, его сын, еще слишком юный, чтобы продолжить дело отца, и сам находившийся под угрозой конкуренции со стороны своих родственников, мог удержать свое наследственное герцогство только благодаря покровительству каролингских принцев. Бавария, источник восстания, была обезоружена, другие народы, дававшие дань по Рейну, германцы и саксы, были возвращены под иго без особого труда, а Гунальд, уменьшив свои силы, в свою очередь был вынужден принести вассальную присягу. Конечно, это всеобщее умиротворение существовало лишь на поверхности, а в Аквитании и Германской империи все еще тлели активные семена раздора. Непримируемый Грифон, решивший путем интриг и предательства добиться почестей, от которых он отказался благодаря щедрости брата, нашел убежище в окрестностях Гунальда и открыто стремился разжечь войну в угоду своему буйному честолюбию. Но Пипин дал полную волю его талантам и энергии. Теперь было ясно, что действия человека без родины, как бы они ни были возбуждены, не достигнут той цели, которую не смогло достичь стихийное восстание народа. Политическое единство Франкской империи было свершившимся фактом.

Пипин был единственным правителем в течение четырех лет с тех пор, как его брат Карломан принял религиозную жизнь, оставив малолетних детей, не способных стать его преемниками. Если неспособность, достаточная и даже строгая причина для лишения престола в духе старых франкских институтов, в глазах всех законно вытекала для сыновей Карломана из их крайней молодости, то насколько больше оснований не оправдать низложение нелепого монарха, в котором тогда продолжалась печальная череда ленивых королей! Эта аномалия королевской власти под опекой могла сохраниться только благодаря длительному конфликту социальных сил, особенно теперь, когда род Меровингов больше не имел престижа в глазах своих христианских подданных благодаря легенде о том, что он произошел от древних богов нации. С того дня, как кровь Хлодвига перестала производить людей, пригодных для верховного командования, общественное право, действовавшее среди франков, позволяло им выбирать своих лидеров из числа представителей этого вырождающегося рода. Именно в свете этих принципов, значение и сфера действия которых четко обозначены на главном примере, а не в соответствии с нашими современными представлениями о национальной воле или легитим-

ности, важно судить о том, что мы договорились называть узурпацией Пипина, сначала его племянников, а затем короля Чилдерика. Святой

Престол, прикрывая своим авторитетом эту смену династии, не изобрел новую государственную юриспруденцию, что бы о ней ни говорили; он лишь освятил применение, исключительное, но регулярное, одного из первобытных законов завоевателей Галлии.

Вот как это событие описывается в хронике «Жесты франкских королей»: В то время (751 год) франки, недовольные тем, что у них нет способного короля, и тем, что им приходится в течение многих лет мириться с чередой неразумных принцев, которых дал им королевский род, захотели возвести Пипина Благочестивого на престол. Пипин отказался, но, собрав вождей народа, послал в Рим от их имени Бурхарда, епископа Вюрцбургского, и Фульрада, своего капеллана, с поручением расспросить папу Захарию о королях, находившихся тогда во Франции, слабость ума которых не позволяла им осуществлять власть, и спросить его, хорошо ли такое положение вещей или нет. Папа Захария, по совету римской знати, сообщил франкам, что лучше отдать имя короля тому, кто обладает мудростью и властью, чем тому, у кого есть только имя, но нет власти. Форма этого ответа показывает, что он не содержал приказа папы, как утверждают некоторые хронисты, чья преданность Каролингам привела их к такому ложному толкованию, а простую оценку и, самое большее, совет. Как мы видим, суверенный понтифик не претендовал на решение вопроса совести; он не выдвигал никаких соображений, кроме логических. Ему также не пришлось рассматривать правовые нормы взаимоотношений между монархом Меровингов и его подданными. Как мудро заметил один современный историк, папы, общие отцы верующих, не могут входить в эти вопросы права; они должны лишь признать факт; в противном случае римский двор оказался бы втянутым во все революции христианских народов.

Мнение Захарии не оставляло места для угрызений совести. Чилдерик, последний из Меровингов, был пострижен в монахи и вернулся, спустя десять лет после ухода, в уединение монастыря. Весной 752 года на национальном собрании в Суассоне Пипин, по выбору всей Франции, при хиротонии епископов и покорности знати, был посажен на трон вместе с королевой Бертрадой, согласно древнему обычаю франков. Святой Бонифаций, в качестве легата Святого Престола, короновал его в соответствии с ритуалом, который в то время использовался в материнской Церкви, и получил от него клятву, которая навсегда изменила институт монархии на европейском континенте.

Папская грамота Эгберта, епископа Йоркского (735 г.), описывает церемонию коронации англосаксонских королей, которой следовал в Соассоне ученик Эгберта, следующим образом: «Я клянусь, – сказал король, – сохранять в мире Церковь Божью и весь христианский народ под моим правлением, подавлять несправедливость, откуда бы она ни исходила, и сочетать справедливость с милосердием во всех моих решениях. Да простит нас всех добрый и милосердный Бог по своей вечной милости! Затем на голову короля возлили святое масло. Главные лорды подошли и вместе с епископами вложили в его руку скипетр. Архиепископ начал аплодисменты: «Да будет он всегда победоносным и великодушным! Пусть все его решения будут справедливыми и мудрыми! Пусть его правление будет мирным, и пусть его победы не будут стоить крови! Пусть его жизнь будет процветающей! Пусть после земного царствования он насладится вечным блаженством! – Затем народ трижды прокричал: *Vivat rex in æternum!* Таким образом, в лице первого каролингского короля верховная власть одухотворилась и стала основываться на ином принципе, нежели сила.

Впервые мы видим, как человек, облеченный ею, клянется соблюдать законы и брать на себя обязательства перед своими подданными, чье согласие, если не избрание как таковое, является необходимым условием его суверенитета. «Я признаю здесь, – заметил Озанам, – церковное право, которое не позволяет общине вопреки себе ставить начальника или посвящать епископа, не спросив согласия общины верующих; более того, я признаю публичное право

Средневековья, которое отнимает суверенитет у Бога, но передает его народу, свободно передающему его одному или нескольким, на время или навечно».

Обстоятельства его коронации придали главе новой династии престиж, который сила традиции не могла дать самым искусным из его предшественников. Провозглашенный леди и епископами всех частей франкской территории, благословенный представителем вселенской церкви, Пепин не был, как большинство Меровингов, королем отдельной провинции, Австрии или Нейстрии, или исключительным представителем доминирующей фракции: в результате своей коронации он стал по праву, как уже был фактически, законодателем и магистратом всей Франции.

Два года спустя церемония в Соассоне была торжественно освящена в базилике Сен-Дени самым понтификом, который стал гостем франкского народа в разгар политических волнений в Италии. Прежде чем рассказать об этом великом событии, положившем начало как общественной жизни юного Карла, так и протекторату Франции над временной властью пап, важно объяснить происхождение этой временной власти, основание которой так тесно связано с темой этой истории.

3. Когда Пипин вззошел на престол, прошло всего четверть века с тех пор, как папский суверенитет официально существовал и осуществлялся, без внутренней конкуренции, в Римском герцогстве. Однако в действительности он существовал дольше, чем правительство любого из новых государств Европы. Оно уже сделало полезную и славную карьеру, длившуюся более четырехсот лет, в этом привилегированном регионе центральной Италии, единственной части древней империи, где варвары никогда не создавали прочных поселений. Подготовленная и даже ставшая необходимой после передачи Константином престола Византии, временная юрисдикция пап, правда, ограничивалась религиозными интересами до тех пор, пока позволяли обстоятельства. Уже в V веке святые Целестин, Геласий и Симмах налагали гражданские наказания на еретиков, изгоняя их с территории Италии, но в то же время переписка между этими папами и императором Анастасием свидетельствует об их желании избежать смещения двух держав. Но нашествия варваров должны были заставить Святой Престол оставить эту резервацию и осуществлять более широкую защиту беззащитных народов. Святой Лев не просто управлял Италией, он спас ее от разорения Атиллой и Гензерихом. Сами императоры

сами прибегали к этому августейшему вмешательству, которое было эффективнее их армий, и Агапет был выбран для переговоров о мире между Юстинианом и готским королем Феодатом. Монарх, понимая, что укрепление этой посреднической власти выгодно для его собственной безопасности, даровал преемнику Агапета, Вигилию, прагму, которая признавала и организовывала под папской властью автономию того, что вскоре снова стало называться Римской республикой.

Напрасно в административном делении империи Римское герцогство по-прежнему фигурировало среди обычных провинций; факты каждого дня опровергали эту ассимиляцию, а должностные лица, которым было поручено представлять государя Византии на этой территории, сами заявляли о подчиненном характере своих полномочий наряду с правами Святого престола. Так сенатор Кассиодор, возведенный в достоинство префекта претория, смог сказать папе Иоанну II от имени императорского правительства следующее: «Защита этого народа – ваша забота, поскольку вы получили эту миссию от Бога. Если забота о городе касается нас в некоторых деталях, то она принадлежит вам без ограничений, и ваша способность духовного пастыря не исключает заботы о мирских делах».

С середины шестого века ослабление империи, последовавшее за вторжением германцев в Верхнюю Италию и основанием Лангобардского королевства (572), еще больше погрузило пап в заботы о государственных делах. С тех пор полуостров был более или менее предоставлен сам себе. В Равенне, под титулом экзарха, находился своего рода проконсул на древний манер, управлявший и, прежде всего, выкупавший незавоеванные провинции от имени визан-

тийского двора. Герцоги, которых он назначал или увольнял по своему усмотрению в Риме, Неаполе, Генуе и Пентаполе, и даже муниципальные магистраты южного побережья, Сицилии, Корсики и Сардинии, которые, будучи выборными, ускользали от его контроля, должны были, правда, по его приказу, сформировать полный каркас императорской администрации. Но этот тщетный аппарат политической и военной централизации был не более чем ярлыком, лишенным реальности. С самого начала лангобардский завоеватель Альбоин поставил на его пути непреодолимое препятствие, создав два варварских герцогства Сполето и Беневенто, которые изолировали Равенну, голову без тела, от Рима и остальной части Апеннинского полуострова.

Более того, спустя двести лет после расчленения Западной империи экзархат представлялся итальянскому патриотизму не более чем правительством иностранной оккупации. Не имея возможности оправдать эффективной защитой тяжелые жертвы, которые он налагал на жителей, он безвозмездно ранил национальные устремления. Ведь настоящая Италия не хотела быть греческой, как не хотела быть лангобардской: ее гений вел ее к федерализму. Привязанность народа к своим муниципальным правам и католической ортодоксии заставляла его одинаково ненавидеть упрямый деспотизм греков и грубость еретиков-лангобардов. Его вождями были не делегаты константинопольских или павийских монархов, а свободные магистраты его городов и особенно епископы, настоящие авторы свержения готского королевства; центром его притяжения всегда был Рим. Там непреодолимое течение общественного мнения и всевозможные социальные нужды ежедневно расширяли гражданские полномочия понтифика. Беглецы из городов, угнетаемых лангобардами, приходили за убежищем и защитой к нему, а не к экзарху; в бедственном и запущенном положении империи именно казна Римской церкви обеспечивала не только выкуп пленных, но и жалование ополченцам, строительство и содержание военных объектов. Уже в конце II века святой Григорий Великий, несмотря на свою сильную душу, сгибался под бременем понтификата и мог искренне жаловаться, что ему приходится исполнять не столько обязанности пастыря душ, сколько обязанности мирского князя. Действительно, Италия не знала другого государя, кроме него. Успешно возглавив оборону Вечного города от лангобардского короля Агилульфа, он один оказался в состоянии вести переговоры о мире с агрессором от имени римского народа. Экзарх напрасно протестовал против инициативы папы, благодаря которой сам экзархат был спасен от неминуемой гибели, но на полуострове это не нашло отклика.

Еще более века преемники святого Григория Великого, постоянно враждуя с дряхлой восприимчивостью империи, не уставали обращать свое огромное влияние себе на пользу и исполнять возложенную на экзархат миссию. Ни их популярность, ни неблагодарность власти, которой они служили, не могли побудить их разорвать узы почтения, связывавшие Святой престол с тронем Константина. Раскол, которого требовали политические интересы Запада, должен был быть произведен самими кесарями и на религиозной почве. Потребовались их теологические эксцессы и святотатственные эдикты, а также восстание ортодоксальной Италии, чтобы заставить папство признать на законодательном уровне (хотя и с большим темпераментом!) давно установленный факт его временного суверенитета над населением, которое его признавало.

Императоры Гераклиды, коронованные софисты, вступили в эту смертельную борьбу, претендуя на то, чтобы навязать в качестве государственного закона всем своим подданным, даже верховному понтифику, монофелитское заблуждение, согласно которому Иисус Христос, несмотря на свою двойственную природу, обладал лишь одной волей. Разъяренный сопротивлением пап и подчинивший все государственные интересы торжеству философского тезиса, византийский двор отныне был представлен в Италии под именем экзархов и герцогов только официальными сектантами. К и без того непомерным поборам добавились религиозные преследования, чтобы вызвать раздражение населения. Святой Мартин I, виновный в том, что не склонился перед доктринальной непогрешимостью императора Ираклеонаса, вскоре был

выдворен из Вечного города, перевезен в Грецию и подвергся тысяче поношений. Но католики, чувствуя свою силу и правоту, решили отразить войну войной и встали на страже вокруг папской резиденции. Поэтому, когда полвека спустя Юстиниан II попытался похитить папу Сергия, чтобы вымогать у него одобрение актов раскольниковского собрания, известного как Собор в Трулло (692 г.), народное ополчение предотвратило успех этого нового нападения. Авторитета папы едва хватило, чтобы спасти императорских эмиссаров от законного гнева его защитников. Народная демонстрация, не менее стихийная и непреодолимая, защитила преемника Сергия, Иоанна VI, от насилия, задуманного экзархом. В конце концов, просвещенный этим троекратным опытом, Рим закрыл свои стены перед этим вечным агентом измены, которого империя содержала как герцога возле Латерана. После кровавого побоища, которое удалось остановить только папе, герцог Петр, делегат императора Филиппика, был изгнан из города, и горожане заменили его человеком по своему выбору (713). С этого дня имя императора исчезло с монет, официальных документов и общественных молитв. Территория Рима теперь зависела от Константинополя только в плане дани.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.